

**Чудище
или
Одна сплошная
рыжая беда**

Анна Кувайкова

Анна Кувайкова
Чудище или Одна
сплошная рыжая беда

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70075444
SelfPub; 2023*

Аннотация

Золушка золушке рознь. Кто-то убегает в полночь, оставляя за собой след из хрустальных башмачков, и ждёт, что принц её отыщет. А кто-то, ну совсем как я, носит обувь в пору и предпочитает не ждать чудес, а чудить самостоятельно. Принц перешёл в наступление, фея-крёстная достала волшебную палочку и несёт добро в массы, а братья-рокеры пытаются ужиться с новым администратором. Старый автомобиль пострадал ни за что, а вместе с мачехой в жизнь ворвалось ещё одно воспоминание из прошлого. А Золушка... Ну, а что Золушка-то? Она всё ещё в кедах, с верой в сказку и неистощимым желанием творить волшебство. И кому, как не главному Чудищу университета знать, как именно превратить серую, скучную жизнь в фейерверк приключений и событий?

Содержание

ГЛАВА 1.	4
ГЛАВА 2	31
ГЛАВА 3.	51
ГЛАВА 4.	72
ГЛАВА 5.	95
ГЛАВА 6	123
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Анна Кувайкова

Чудище или Одна сплошная рыжая беда

ГЛАВА 1.

– Бомжик мой, – сграбастав руку Кирилла, лежащую на широком подлокотнике, я обняла ее, как плюшевого мишку и довольно урчала, то и дело потираясь носом о вкусно пахнущее плечо. – Бомжик мою любименький... Бомжулечка!

– Рыж, ты же в курсе, что сейчас губишь мою репутацию на корню? – сидящий за рулем мужчина в ответ только добродушно посмеивался, внимательно поглядывая на дорогу и изредка на балдеющую от его присутствия меня.

– А ты что, изменил в кой-то веки своим правилам и воткнул в собственного монстра прослушку? – на минуточку отвлеклась я от нежностей, но сильную конечность из своих цепких лапок так и не выпустила. Счаз, размечтались! Это моя прелесть!

– Нет, конечно, – едва не расхохотался Кирилл, на секунду отвлекаясь от управления этой монстритины, по жуткому недоразумению автомобилем зовущейся.

– Ну а чего тогда? – фыркнула моя светлость и снова прижалась щекой к мягкой ткани, под которой легко угадывались крепкие мышцы. – Бомжулик мой родненький!...

– Вся та же невыносимая язва, – мягко усмехнулся Громов, впрочем, не пытаясь отвоевать свою руку у такой обрадованной его приездом меня. – Рыж, мы так разобьемся.

– Сказал человек, лично преподающий курсы экстремального вождения, – хмыкнула я и снова прильнула к надежному плечу. – Отмазка не канает! Еще варианты?

– Ну, судя по всему, – иронично протянул мужчина, скосив глаза на меня, едва не мурлыкающую от удовольствия. – Никаких! Ты же теперь не отцепишься?

– Шутить изволим? – вскинула я брови. – Я тебя год не видела! Так что нет, ты теперь целиком и полностью в моих алчных лапках! И даже не надейся на эту, как ее...

– Сатисфакцию? – улыбнувшись, подсказал Кирилл, спокойно выруливая одной рукой на загородную трассу.

– Точно! – согласилась я и снова потерлась носом. – Никакой сатисфакции, помилования и даже обжалования! Я соску-у-у-училась...

– Я тоже скучал, Рыж, – улучив момент, Громов поцеловал меня в макушку и снова обратил свое внимание на дорогу.

А я же, прижавшись к его руке, вздохнула, чувствуя себя самым счастливым человеком на этой грешной Земле.

Он рядом. Он не забыл.

– Ки-и-ир, – протянула, задирая голову, припомнив кое-что интересное. – А что за помпезное появление? Ты вроде показушником никогда не был!

– Ну, надо же было показать местному населению, что с тобой лучше не связываться, – хмыкнул мужчина, мельком взглянув в боковое зеркало. – В свете последних событий мне показалось, что тебе лишняя поддержка не помешает. Мелких вредителей это, конечно, не отпугнет, но кого побольше на расстоянии удержит.

– А, так ты последние видео уже имел сомнительное счастье лицезреть, – наморщила я нос, теперь понимая, почему Громов явился к универу сам, а не просто позвонил. – И как оно?

– Обижаешь, Рыж, – насмешливо покосился на меня Кирилл, – Я даже записал на память, а парочку твоих приемов взял на вооружение. Не против?

– Пользуйся! – великодушно разрешила моя светлость и снова уткнулась во вкусно пахнущее предплечье, довольно мурлыкая. – Своим людям двойная скидка! Я так понимаю, рассказывать обо всем произошедшем не имеет смысла... кто сдал? Егор Дмитриевич или его коллега?

– Оба, – не стал отпираться мужчина, искоса следя за моей реакцией. Не увидев вящего возмущения, он усмехнулся. – Как я понял, тебе не пришлось скучать?

– О да! – хохотнула я, ни капли не сомневающаяся, что оба наших физрука так или иначе были связаны с моим любимым

бомжиком. – С нехристью не заскучаешь!

– С кем? – поперхнулся воздухом Кир, но быстро справившись с удивлением, потом хохотнул. – Ань, ты окрестила «нехристью» наследника GRT-групп?

Я невинно похлопала ресничками.

– Оторва, – покачал головой Кирилл, впрочем, ласково и мягко улыбаться он не прекратил. Правильно, знал же, с кем связался когда-то дано! – Не зря тебя весь универ так называет. А если серьезно, Рыж, что тебя на самом деле с Исаевым?

– А что с ним? – удивилась непонимающая я. Чего-то я не припоминала, чтобы у меня что-то было с родимой нехристью, кроме парочки поцелуев!

– Ань, он во мне дырку пытался прожечь, – иронично выгнул брови Громов, поглядывая то на меня, то на дорогу.

– Чегой? – едва не подпрыгнула я. А потом, пораскинув мозгами, застонала вслух, отлепившись от мужчины и сползая по креслу. – Да екарный ж бабай! После каких-то случайных поцелуев нечестивец себя собственником возомнил? У-у-у... Как все запущено!

– Не буду спрашивать, что именно произошло, – мужчина был как всегда сама тактичность. И заботливость. – Ты-то сама как к нему относишься?

– Ну-у-у, – задумчиво протянула, нашаривая в кармане сигареты. – Тебе кратко или цензурно?

– Понятно! – расхохотался Громов, сворачивая на обочи-

ну. Припарковав своего монстра прямо на трассе, мужчина опустил стекла и тоже закурил – было у него такое правило, никогда не курить на ходу. Против моей данной дурной привычки он ничего не имел, просил лишь только быть осторожнее и не дымить за рулем.

– Вот вечно из меня монстра делают! – обиженно насупилась я, пыхтя сигаретой. Наблюдающий за мной Кир улыбнулся и, потянувшись, потрепал меня по волосам... и естественно мгновенно был прощен! Я тут же снова кинулась обниматься, выбросив за окно вредный источник никотина. – Ты надолго приехал?

– Нет, Рыж, – отрицательно качнул головой мужчина, приглаживая широкой ладонью им же взлохмаченные волосы на моей макушке. – Завтра утром опять уеду.

– Гадство, – сморщилась я и уткнулась носом в рубашку, пахнущую таким знакомым, терпким и чуть сладковатым парфюмом.

– Работа, – спокойно поправил меня Кирилл. – К тому же, я итак привлек к тебе достаточно внимания. Больше рисковать не стоит.

– Знаю, знаю, – недовольно буркнула вся расстроенная я, занимая нормальное положение в кресле. Мужчина уже докурил, так что и минуты не прошло, как мы снова мчались по трассе. – Конспирация превыше всего!

– Рыжик, не дуйся, – отозвался Кир, уже не отвлекаясь от дороги, которая, если честно, после очередного поворота

превратилась в одно сплошное бездорожье. Благо хромированный монстр, легко переплюнувший по габаритам «Хаммер» моего соседушки, легко и играючи справлялся со всеми выбоинами, колдобинами и прочими мало приятными для подвески вещами. – Я же приехал.

– Мне сегодня так плохо было, – вздохнув, не удержалась я и пожаловалась. – Думала, одной ехать придется.

– Ань, – мужчина припарковал машин в конце старой, запущенной аллеи и, заглушив мотор, повернулся. – С тобой рядом столько народа крутится. Бартеньева, Липницкий, Полонский в конце концов. Почему никому ничего не сказала? Неужели настолько им не доверяешь?

– Не могу, – еще тяжелее вздохнула я. – Ты же знаешь, я приверженец отношений «все или ничего». Я не могу рассказать даже Лександрычу и попросить его съездить со мной, а потом дальше молчать об остальном. Все, кого ты перечислил мои друзья, да. Они заботятся обо мне, каждый по-своему и я благодарна им за это. Но близко подпускать я никого не хочу. Да и не имею права, тебе ли не знать?

– Знаю, Рыж, – вздохнув, Кирилл снова притянул меня к себе. Я обвила его талию и прижалась лицом к груди, совсем как раньше, когда верила, что Кир способен меня защитить и спрятать от остального мира. Защитил. Спрятал. Сижу вот теперь, не зареветь пытаюсь. – Как и знаю, что тебе придется потерпеть еще немного.

– Да я уже привыкла, собственно, – невесело хмыкнула,

чувствуя, как меня гладят по голове, совсем как маленькую девочку. Сразу захотелось вернуться на десять лет назад. – Спать только хочется.

– С суток? – видеть не видела, но чувствовала, как Громов улыбается. – Еще и голодная наверняка.

– С тебя ужин, – вскинув голову, расплылась в улыбке моя нахальная физиономия. – Собственноручно приготовленный!

– Идет, – покорно согласился мужчина и щелкнул меня ногтем по кончику носа. – Шантажистка.

– Что делать, что делать, – окончательно намотав на кулак распущенные сопли, моя почти местами скромность изволила отлепиться от Громова и, сунув сигарету в зубы, покинула навороченное авто, едва просто и незатейливо не брякнувшись с него. – Какая есть, такую и любите!

– Цветы не забудь! – донеслось мне насмешливое вслед.

Ага, такой веник забудешь! Интересно, а мог ли сгорающий от ревности Исаев хотя бы на миг подумать о том, что данный букетище предназначался совсем не моей балованной персоне?..

Букет из пятидесяти роз я честно тащила по разбитому асфальту, покрытому опавшей желтой листвой. А вот когда старую аллею сменила узкая тропинка, поросшая жухлой травой, моего энтузиазма хватило ровно на пять минут. Да и не только моего – после пятого спотыкания красивый, но громоздкий веник у меня банально отобрали. Так что по

прибытию на место назначения, низкую ажурную калитку я открывала первой. И, сделав шаг, не сдержала грустной улыбки, глядя на такие родные карие глаза:

– Привет, мам...

С невысокого памятника из белого мрамора на меня смотрела, улыбаясь, молодая женщина, которой было не суждено дожить до сегодняшнего дня. Мама умерла именно в этот день, последний день сентября теперь уже как полных десять лет назад...

– Ты посмотри, как вымахала, – отступая вбок, давая Кириллу возможность положить цветы на могилу, я задрала голову, восхищенно рассматривая возвышающуюся надо мной березу, покрытую яркой, желтой листвой. – А ведь думали, не приживется.

– Тогда в это время уже холодно было, – отозвался мужчина, вырывая пробившиеся сквозь мраморные плиты травинки.

– Это-то да, – согласилась, оглядывая буйство красок вокруг. За дорогой мрачные темные ели перемешались с красной и желтой листвой берез и тополей, кустарники между нестройными рядами могил тоже шебуршали яркой и совсем еще не опавшей листвой на теплом осеннем ветру. Солнышко хорошо припекало, сверкая с абсолютно безоблачного неба...

Я едва не вздрогнула, словно наяву увидев промозглый серый день десятилетней давности. Непрерывно морозящий

ледяной дождь, иссиня-черные тучи, грязные листья, плавающие в лужах, голые деревья и месиво из грязи и глины на дороге. Тонкое пальтишко не спасало от холода, однако я все так же продолжала сидеть здесь, на свежем холме кладбищенской земли, заставленной дешевыми венками, даже не пытаясь вытирать стекающие по лицу слезы, пока Кирилл, неловко управляясь одной рукой, сажал в углу оградки тонкий березовый росток. Как тонкий прутик оказался валяющимся в проходе, кто его сюда принес и где хотел посадить – никто так и не вспомнил. Тогда мы не думали, что дерево приживется, уж слишком рано наступили холода.

Но сейчас же крепкое высокое дерево приветливо колыхало свое кроной, роняя редкие листочки на сухую, прогретую землю.

– А вы ведь даже не были с ней знакомы, – сунув руки в карманы, зачем-то заметила я, рассматривая овальный портрет на светлом мраморе, пытаюсь запомнить каждую черточку родного лица, зная наверняка, что ни скоро сюда вернусь. Так как раньше, больно уже не было. И все-таки... мне ее не хватало. – А ты все равно каждый год сюда приезжаешь.

– Рыж, она воспитала тебя такой, какая ты есть, – вставший позади меня Кирилл обнял меня за плечи, пристраивая подбородок на моей макушке. – Мне этого достаточно. Где был бы я сейчас, если бы не ты?

– А я? – прислоняясь спиной к его груди, коротко хмыкнула я.

Громов не ответил. Да и зачем? Мы прекрасно понимали, что не появись тогда в жизни друг друга, все могло бы вернуться совсем иначе...

Мне было четырнадцать, когда мама попала в больницу. Ей становилось все хуже и хуже, пока, наконец, терпеть не осталось никаких сил. Врачи выдвинули неутешительный диагноз – рак последней стадии и прямо сказали, что жить ей оставалось неделя, максимум две. Не желая портить себе статистику, они хотели выписать ее домой, но... Согласие на это мог подписать только совершеннолетний родственник, а вместо него по безликим серым коридорам ошивалась похожая на приведение, раздавленная свалившемся на нее горем девочка-подросток. И тогда кто-то из «добрых» медиков стукнул об этом в школу.

Когда меня вызвала на ковер директриса, я уже думала, что дальше хуже быть не может. Но, как известно, беда не приходит одна, и мне кратко и равнодушно освятили со всех сторон мое дальнейшее обозримое будущее: если по истечению месяца не появится кто-то из родных, я попаду в детский дом.

Со злости я пообещала, что в установленный срок придет мой дядя... Который на самом деле если когда-то и был, то седьмая вода на киселе и он давно уже куковал немывтым отшельником в далеком Сибирском лесу. Неуравновешенного родственника угораздило связаться с сектой любителей природы, так что мнимый родственник давно и надежно свалил

в ее лоно, оставив дома все вещи, деньги и документы.

Хотя не, вру – презренный метал он передал братьям «по духу», а о себе оставил лишь смутные воспоминания.

Как бы то ни было, но в тот момент жизнь была мне в тягость, если не сказать хуже. Я сидела на крыше своего дома, на самом краю, глядя вниз, на спешащих по своим делам людей и думала: а почему бы и нет, собственно?..

От тяжелых размышлений и нескончаемых слез меня отвлек тогда надсадный, хриплый кашель. В дальнем углу стояло подобие домика из ДСП, выстроенного местными парнями, и именно в нем я обнаружила тогда Кирилла... Бледного, больного пневмонией, со сломанной рукой, избитого местными гопниками, фактически умирающего.

Я видела его раньше. Молодой неопрятный и вечно хмурый парень, появившийся в нашем дворе вначале лета, трудился разнорабочим в нашем местном павильоне сутки напролет, вторые сутки он мелькал в супермаркете, таская тяжеленные коробки, а третьи отсыпался здесь, на крыше или в детском домике на площадке.

Как мне тогда пришла в голову идея притащить домой самого настоящего бомжа, я до сих пор понять не могу. Я его отмыла, вылечила, поставила на ноги, обеспечила жильем и едой, но при одном условии – он должен был сходить в школу с документами моего дяди, представиться моим родственником и отбить у директрисы всякое желание совать свой нос в мою дальнейшую жизнь.

Кирилл выполнил условия сделки... и остался.

Это потом я узнала его историю. Придя с армии и женившись по залету на девушке, которая вроде как его ждала и дождалась, Кир, носивший тогда другое имя, семейной жизнью наслаждался недолго. Работа простым охранником приносила стабильный, хоть и маленький доход, но взбалмошную супругу такое положение вещей не устраивало. Психанув, парень ушел служить по контракту, а по возвращению через пару лет обнаружил, что у него теперь нет ни квартиры, ни жены, ни ребенка. Баба-дура каким-то образом продала имущество, сдала дочь в детский дом и счастливо кутила на стороне. Как ее не придушил Кирилл, я не знаю. Он же нашел ее тогда, поговорил... А проснувшись поутру в чужой квартире обнаружил вдобавок ко всему кражу последних вещей и всех документов. И отсутствие жены, естественно.

Последнюю он не нашел, друзья помогать отказались, родни у парня не было... Вот так и оказался двадцати четырехлетний парень на улице. Чтобы снять временное жилье, нужны были деньги, а чтобы их заработать, нужны были документы. А их просто так не восстановить, нужно было хотя бы свидетельство о рождении, которого, естественно, тоже не было.

Короче, лето Кир еще продержался. А вот с наступлением холодов возникли проблемы. Болезнь не давала работать, местная гопота заметно подгадила, накинувшись толпой, и парень уже сдался окончательно, но тут на горизонте замая-

чила тощая девчонка с веснушками и красными от слез глазами, но полная какой-то мрачной решимости.

Заставила я его тогда встать лишь одной фразой, но после долгих, упорных, и напрасных уговоров. И звучала она как «а ты жить хочешь?».

Он согласился. Десять дней мы жили, как чужие. Он отсыпался, отъедался, медленно, но верно шел на поправку, но оставался все таким же хмурым и неразговорчивым. А я... я разрывалась между школой, подработкой и больницей, где в крохотной палате медленно, но верно угасала моя мама.

Конец всему наступил через десять дней. Меня выдернули с уроков, отвели к директорисе, и уже там сообщили шокирующую новость. Я ждала ее, подготавливала себя, боролась с негативными мыслями, пыталась успокоиться... И все равно оказалась не готова.

Домой я тогда ввалилась далеко за полночь, грязная, пьяная, находившаяся на грани истерики. Помню, как упала прямо в прихожей и, не включая свет, хохотала сквозь слезы, то и дело прикладываясь к бутылке дешевого отвратительного портвейна. Никогда не встречающий меня Кирилл тогда первый раз вышел из выделенной ему комнаты. Бледный, уставший, в старой, но чистой футболке и серых спортивных штанах, с загипсованной рукой, он молча смотрел на меня. А потом...

Просто подошел, сел на корточки и обнял. И я, сопротивляясь по началу, тщетно пытаюсь его оттолкнуть, вскоре уже

судорожно рыдала у него на плече, высказывая всю ту боль, что накопилась. Вот так вот глупо и недальновидно, в объятиях незнакомого мне человека, ставшего безумно родным за непозволительно короткое время.

Наверное, именно тогда мы с Кириллом поняли, что поодиночке нам не выжить. И что за свою жизнь надо бороться – если хотя бы ни ради себя, то ради друг друга.

Как я уже говорила, через месяц Кир сходил в мою школу, и больше вопросов о звонке в органы опеки не возникало. Совсем скоро парень оправился, поднял свои армейские связи, активно взялся за дело, через пару лет открыл свой бизнес и в итоге стал тем, кем был сейчас. Одним из сильнейших мира сего, с нерушимой репутацией, идущей далеко впереди него. Имя моего дяди, Кирилла Громова, он так и не сменил. Вова Олейников, худой нескладный парень, здорово побитый жизнью, умер там, в шалаше на крыше многоэтажки, много лет тому назад. А я же...

Я так и не поняла, что же мною двигало, когда я решила привести в дом абсолютно незнакомого мне человека: глупый поступок убитого горем подростка, которому уже нечего терять; или же последняя попытка отчаянной девушки, желающей во чтобы то ни стало выбраться из той трясины, в которую она угодила не по своей вине.

Так или иначе, о своем поступке я не жалела. Никогда.
– Идем? – негромко позвал меня Кирилл, вырывая из воспоминаний. Впрочем, готова поспорить на что угодно, он

сам сейчас вспоминал наше общее с ним прошлое.

– Угу, – отозвалась я и, бросив прощальный взгляд на мамину фотографию, вышла следом за Громовым.

Пока, мам. Я буду по тебе очень скучать. И приеду еще раз. Обещаю!

Добравшись до внедорожника, на котором только и можно было пробраться в эту часть кладбища, я привалилась спиной к теплomu, нагретому солнцем металлу и закурила, щуря глаза на безоблачное небо. Настроение, с утра упавшее на нет, медленно, но верно начинало подниматься.

– Ки-и-ир, – негромко позвала, косясь на курившего рядом мужчину.

– Что, Рыж? – откликнулся мой личный бомжик, которого бы я под страхом смерти не стала бы так величать в присутствии свидетелей. Об этой стороне его насыщенной на события жизни не знала ни единая живая душа. И не узнает – вредить самому дорогому для меня мужчине я не стану сама и не позволю это сделать никому другому. А кто попробует возразить, того я тихо закопаю и так же тихо отпраздную... И мне ничего за это не будет!

– Татуировку хочу, – негромко вздохнула я, выдав на одобрение народа свою давнюю мечту.

«Народ» одобрил, невозмутимо пожав плечами:

– Хочешь? Поехали, сделаем.

Я со счастливым визгом повисла на шее улыбающегося Громова. Все-таки как хорошо, что он приехал!

Для начала мы заехали перекусить. Желудок жалобно урчал на радость посмеивающемуся Киру и к стыду медленно краснеющей меня. Но как оказалось, Громов и сам был не прочь подкрепиться, так что, едва мы въехали в город, мужчина припарковался... у первой попавшейся приличной столовой. Естественно, вид шикарного «Линкольна» ввел прохожих в ступор, а присутствие его не менее шикарного водителя в небольшом, но уютном помещении и вовсе показал эффект разорвавшейся бомбы!

Но, собственно, как сие могло остановить Кирилла, с аппетитом уплетающего огромную тарелку борща и обычные такие пельмени?

Я только хихикала, воздерживаясь от комментариев, уплетая заказанный салат и куриный бульон. Соскучился, бедный, по нормальной русской еде!

А вот тату-салон уже оказался куда более солидным, дорогим и имеющим хорошую репутацию. Кирилл переговорил с управляющим, мастер поговорил со мной и я, полистав каталог, взяла время на подумать. И, чтобы эти несколько часов не попадали зря, мой добрый «дядюшка» потащил меня... по магазинам!

Вот чесслово, проще было угнать у Кира его любимый внедорожник, чем переубедить его не покупать мне очередной теплый свитер на осень! Три ха-ха. Громов оказался непробиваем и лишь невозмутимо улыбался, молча разворачивая и вталкивая меня в примерочную торгового центра. А

продавцы же, кося на него восхищенным взглядом, покорно волокли детали нового гардероба.

Через три часа вконец обалдевшая я, укомплектованная по самую маковку теплыми вещами, рухнула на лавочку на улице в курилке и обзывала Кирилла последними словами. Думаете, это его впечатлило? Да счас!

Чувствовавший себя неудобно от того, что во время болезни обо мне заботился другой, мужчина сделал все, чтобы загладить свою вину. Ну или хотя бы направил все силы на то, чтобы подобное больше не повторилось.

И ведь он даже открыто это признал, зараза такая! Как будто я не понимала, что с его работой вообще чудо, что он хотя бы на день ко мне вырвался. Пожалуй, именно за это я и любила Кирилла больше всего – он никогда не навязывал свою заботу, но всегда появлялся именно тогда, когда я в нем действительно нуждалась.

Осознание, какую именно я хочу тату, пришло как-то само собой. И уже спустя какой-то час над моей левой лопаткой расцвела надпись, выполненная красивым, витым шрифтом.

До супермаркета мы добрались, когда на улице уже стемнело. Лопатка и плечо болели, но на мое настроение это никак не повлияло. После покаянной речи о том, что в моем холодильникемышь достигла уже стадии трупного окоченения, когда все мышцы расслабляются и клиент «дозрел» до пышных похорон, Кир меня обругал последними словами,

но увидев виноватую моську, сжалился. Быстренько сметя более или менее подходящие продукты в корзину, мой невыносимый временами почти что родственник ухитрился прочитать мне шикарную нотацию о вреде перекусов и их влиянии на организм в целом. Пришлось покаянно кивать, развесив ушки, на протяжении всей дороги до моего дома, куда мы ввалились, обвешанные пакетами с ног до головы. Вот уж в чем, в чем, а в заботе о собственном теле Громов был неумолим и не шел на компромиссы.

Я начинала смутно подозревать, что, начиная с завтрашнего дня мой холодильник каким-то чудным образом обретет свойства если не скатерти-самобранки, то хотя бы банальной нескончаемости...

И вот фиг же поймешь, радоваться данному факту, али наоборот?

– Рыж, ты улыбаешься, – отвлек меня от раздумий мужчина, невозмутимо крутящийся у плиты. Ну как, крутящийся... все чинно, со знанием дела, без какой либо ругани, суеты или бестолковых движений. Все спокойно, четко, размеренно. Рукава черной рубашки закатаны, волосы в короткий хвост стянуты, на губах улыбка мягкая...

– Да вот думаю, взять и влюбиться в тебя, что ли? – пригубив любимое фруктовое вино из бокала на тонкой ножке, насмешливо протянула я, сидящая на высоком стуле за барной стойкой.

– Ты уже как-то пробовала, – вытерев руки о полотенце,

Кирилл оперся спиной о кухонный гарнитур и сложил руки на мускулистой груди, иронично вскинув брови. – На выпускном, помнишь?

– Не напоминаа-а-ай! – с чувством провыла я, чувствуя, как пылают уши при воспоминании об этом... об этом!

Да-да, водился за мной такой грешок. Моя подвыпившая в честь окончания школы рыжая светлость, и познавшая на своей шкуре все сомнительные прелести первого сексуального опыта и, как следует, горького разочарования, приползла домой глубокой ночью. И тут, вспомнила, что, все мужики в общем-то, может козлы и сволочи, но у меня-то есть собственный единственный и неповторимый, который уж точно лучше всех остальных! Ну и вломилась нифига не соображающая я в спальню задремавшего Кира, который ждал моего возвращения, но в последний момент не выдержал и все-таки заснул. Проснулся, увидел меня в одном легкомысленном пеньюарчике, рассеяно провел рукой по волосам, обдумывая недвусмысленность намека... и выставил меня за дверь. Еще и заперся.

А поутру помирающую от похмелья и стыда меня жала долгая, поучительная лекция о вреде алкоголя на неокрепший женский организм и разгульного образа жизни, как его следствие.

В итоге я проревелась, но все рассказала. Кир перепугался, но чаем меня отпоил.

Больше мы к теме высоких «чуйств» и романтических от-

ношений не возвращались. Да и не хотелось, если честно. Кирилла я любила до безумия, но исключительно теплой, родственной любовью.

– Стыдно? – насмешливо поинтересовался Громов, принимаясь за нарезку овощей на салат.

– Издеваешься? – прыснула я, соскакивая со стула и нагло уворовывая из-под его руки маленькую помидорку черри. – Да я думала наутро, что скончаюсь больше от стыда, чем от похмелья! Злюка. Зачем напомнил?

– Сама начала, – со смешком парировал мужчина, не отвлекаясь от готовки, пока я громила шкафчик в поисках посуды. – Рыж, а что, с женихами вообще туго?

– Шутки шутим, да? – откликнулась я, уронив на ногу блюдце, по случайности не разбив его. – Кто меня вообще выдержать сможет?!

– Исаев, Полонский, Алехин, – спокойно перечислил Кир, глядя одним глазом, как я, прыгая на одной ноге, пытаюсь накрыть на стол. И, помолчав немного, задумчиво так добавил. – Харлей?

Я от такого предположения тарелку повторно уронила. На ногу!

– Ну и пакость ты, Громов! – прочувственно выдала, прыгая на одной ноге. Надо мной посмеялись, но посуду отобрали во избежание дальнейшего членовредительства. Правда, чьего именно, еще разобраться надо!

– Хотя да, погорячился, – кивнул Кир, возвращаясь к ово-

щам. И невозмутимо так. – Харлея не выдержишь уже ты.

Я помидоркой подавилась! Какие ж они все... добрые, блин!

– Кир, а что за вообще внезапная мания мне чью-нибудь тушку сосватать? – насторожено спросила, глядя, как мужчина ловко сервирует стол. – Ты ж вроде как моему будущему возможному... хотя скорее в принципе невозможному! Жениху обещал устроить райскую жизнь и хороший такой тест на выживание. Типа если выживет, то ему уже никакая я страшна не буду!

– Ты сама – один сплошной тест на выживание для нервной системы всех и каждого, – беззлобно усмехнулся Громов, водружая перед голодной мной огромную миску салата. – А если серьезно, Рыж... Мне хотелось бы, чтобы за тобой кто-нибудь присматривал, пока я в отъезде. Парней оставить не могу, сама знаешь.

– Ну да, ну да, – скептически покивала головой моя мнительность. А то я не знаю, что кто-то из людей Громова за мной все равно, да присматривает! – Кир, я не хочу связывать себя отношениями только из-за желания успокоить твою въедливую паранойю. Не обижайся.

– Не обижаюсь, – хмыкнул Кирилл, распахивая духовку. В нос сразу ударил обалденный запах вкусной, горячей еды и я мигом простила родственнику все его прегрешения, вольные и невольные.

– Тем более, с кем мне тут обнимашки устраивать на ро-

мантической основе? – пританцовывала я с тарелкой, ожидая, пока мужчина придирчиво изучает дело своих, явно раздумывая, накормить меня сыроватыми продуктами, али все-таки смилостивиться и дать блюду подрумяниться еще? – Исаев, конечно, целуется неплохо, прости за подробности, но мы с ним поубиваем друг друга в первый же день возможных отношений. Мишку я люблю, но исключительно как вечно сонного соседкушу. Олег мне нравится... но чёт не то. А с Полонским у нас френдзона. Усё, шеф, как говорится, без вариантов!

– Но Богдан тебе нравится? – уточнил Кир, раскладывая еду по тарелкам.

– Френдзона! – напомнило мое вусмерть голодное величество. – Полная и безоговорочная! Кстати, странно, что ты заговорил о нем. Признавайся, родственник любимый: почему ты единственный, кто не уговаривает меня держаться от него подальше?

– Все просто Рыж, – выставив передо мной вожделенное кушанье, Громов пристроился по ту сторону барной стойки. – Если попрошу именно я, ты, скорее всего, мне не откажешь. А Полонский пока единственный, кто действительно присматривает за тобой. И даже не отпаивается валерьянкой.

– То есть тебе он нравится, но чёт тебя в нем все равно коробит? – скептически вскинула я брови, берясь за вилку и водя носом по воздуху, чувству, как рефлекс собаки Павлова проявляет себя по всей своей красе.

– У всех свои недостатки, – пожал плечами Кирилл и кивнул на тарелку, насмешливо комментируя. – Ешь, а то остынет.

– О, лазанья! – вылупилась я на содержимое тарелки, как на восьмое чудо света. Поковыряла. Попробовала. Проглотила и блаженно зажмурилась. – Вку-у-усно!

Кирилл не ответил. Посмотрел на меня. Потом на мою тарелку. На свою. Снова перевел взгляд на меня... И расхохотался!

Сообразив, чего, собственно, мой обожаемый родственник гоготать вдруг изволит, я сама чуть от смеха со стула не навернулась. Сие блюдо для нас было... хм, ну, если скажу незабываемым, то это будет наглое и беспардонное вранье.

Это было в выпускном классе. Кир, умеющий в общем-то готовить, но традиционно по-мужски, то есть просто и сытно, решил как-то меня побаловать в честь окончания пробных экзаменов. Ну, значит, прихожу я со школы, дома стол накрыт, Кирилл скалится во все тридцать два зуба, сия, как новенький пятак... Удивилась, не без этого. Ну лан. Сели, значиццо, мы ужинать.... И вот тут-то оказалось, что до готовки незнакомых экзотических блюд мужчину не стоило допускать от слова вовсе. Но не говорить же ему об этом? Сижу, значит, давлюсь и пытаюсь нахваливать. Кир сидит рядом, умильно наблюдает, а потом решает попробовать сам... Минут десять мы сидели оба с перекошенными от «счастья» лицами, вкушали, значит, яства неземного наслаждения. Ре-

ально, кстати, неземного – я понятия не имею, что этот гений кулинарного искусства туда напихал, напрочь угробив нехитрое, в общем-то, блюдо!

Потом переглянулись... не выдержали, выплюнули невкусную каку и расхохотались. Наверное, именно с тех пор мы и решили говорить друг другу только правду. Отсмеявшись, я призналась, что его лазанья – гадость редкостная. В свою очередь Кир, смущенно потирая нос, признался, что постирал мою белую блузку со своими джинсами... И раз пошла такая пьянка, я покаялась, что завалила ко всем чертям пробный экзамен по русскому языку.

Правда-правдой, а уши мне тогда все-таки надрали.

После сытного обеда, по закону Архимеда, чтобы жиром не заплывать, надо срочно... Ну, вы поняли. Прикончив добрую половину обалденно вкусной лазаньи, мы с Кириллом дружно пыхтели на балконе, пританцовывая от холода, честно поделив одно пальто на двоих. Его пальто, конечно же – мое бы ему даже на одну руку не налезло. Естественно, замерзли, как мои любимые суслики на работе без дозы любимого нефильтрованного, и наперегонки поскакали на кухню отогреваться. И вот тут надо же было Киру зацепиться по дороге за самый крайний аквариум!

Вспомнил, блин, родня любимая, старый добрый фильм!

– Рыбка-рыбка-рыбка, – ласково приговаривал мужчина, постукивая пальцем по толстому стеклу, где за отдельной перегородкой плавала отожравшаяся на казенных харчах поло-

сатая зубатка. – Рыбка-рыбка-рыбка! Рыж... ты не пугайся, ладно? Но, по-моему, она только что сдохла...

– Чего? – я едва не опрокинула на себе только что сваренный кофе. Аккуратно пристроив чашку на краю стола, рысью метнулась в коридор и уже там застонала вслух, глядя на колыхающуюся кверху брюхом килограммовую полосатую тушку. – Че-е-ерт... Кир, ты зачем по аквариуму стучал?! Все, мне конец. Хозяйка меня теперь убьет!

– Ань, рыбы от этого недохнут, – заметил мужчина, поглядывая то на меня, то на невинно убиенную животинку. – Ты когда ее кормила последний раз?

– Ну, это, – почесала в затылке мигом смутившаяся я. Подумала. Попыталась вспомнить... Не вспомнила. Покаялась и изобразила полный вселенской муки вздох.

– Замоталась и забыла, – резюмировал Кир. И усмехнулся, накидывая пальто. – Ладно уж, не горюй. Купим другую, делов-то.

– В десять вечера? – покосилась я на настенные часы. – Где ж мы такую сейчас найдем?

Не, по итогу мы рыбину эту все-таки нашли. Пока я одевалась, Кирилл кому-то позвонил, потом ему перезвонили, потом мы поехали к черту на кулички, но домой все-таки вернулись с желанной добычей. Труп организовали пышные похороны в унитазах, едва его не забив, купленного живчика определили на новое место жительства, отступили, оглядывая дело рук своих и остались вполне довольны провернутой

аферой. Разницы почти не наблюдалось.

И все бы хорошо, вот только...

– И что мне теперь с этой прелестью делать? – вздохнула я, сидя на полу и обнимая коленки, обтянутые теплыми пижамными штанишками. Напротив меня, забавно попискивая, ползала по корягам, осваивая новое для нее пространство, купленная нами японская белка-летяга. Огромную, в мой рост клетку, устанавливал Кир, пока я отогревалась в душе, облитая холодной водой из аквариума, куда чуть не бултыхнулась при заселении нового жильца. – Хозяйка меня точно убьет!

– Да ладно тебе, – фыркнул сидящий рядом на корточках Кирилл, просовывая кончики пальцев в клетку. – Она забавная. Как ты.

– Не, – фыркнула я, рассматривая мимимишного зверька, размером чуть больше моей ладошки, с длинным пушистым хвостиком, палевой мягкой шерсткой, крохотными круглыми ушками и черными глазками-бусинками. – Я пакость вредная, ехидная, но симпатичная. А тут ж прямо кавва-а-ай! Спасибо, Кир.

– Не за что, – мягко улыбнулся мужчина.

Еще б не улыбаться! Да он битый час наблюдал за мной, как за маленьким ребенком, пока я в зоомагазине прыгала вокруг клетки с этой прелестью, вопя на все голоса «хочу-хочу-хочу» или «вай, какая прелесть, дайте две!». Вот ей богу, я тогда не мозгом думала, увы. А Громов, всегда балую-

щий мою нифига не скромную персону, ради моего шальноного настроения мог же и весь зоомагазин скупить со всеми его обитателями!

– Чтобы я еще раз с тобой, да по таким местам пошла, – зевнув, покосилась я на родственника. – Да ни-ни!

Громко запищав, сахарный опоссум, ну тот, который белка, шустро пополз вверх по клетке.

– Будешь Ни-Ни, – тут же окрестила момонгу моя зевающая светлость.

– У-у-у, Рыж, – насмешливо откликнулся Кир, поднимаясь, – Давай-ка в кроватку. Ты сейчас себе челюсть вывихнешь.

– Угу, – покорно согласилась, чувствуя, что организм, итак выдавший запас невиданной бодрости, связанный с приездом моего любимого мужчины, дал слабину, и очухиваться уже не собирался. Так что я покорно переползла с пола на кровать, уткнулась в подушку и сладко зевнула.

Над моими сонными маневрами посмеялись, но одеялом заботливо укрыли, под спинку подоткнули, по голове погладили и в лоб поцеловали:

– Люблю тебя, Рыж.

– А я тебя – больше, – тихо отозвалась засыпающая я.

ГЛАВА 2

– Пойди, найди тот ножичек, пойди, найди тот ножечек, – бормотала я себе под нос песню из старого мультфильма, шлепая новыми ботиночками по светлому кафелю, придерживая лямки рюкзака и активно вертя головой по сторонам. – Поди, найди... тьфу ты! Да этого тренера вместе с его бассейном фиг найдешь!

Достроили спортзал, говорите, да...

Фигушки! На его месте отгрохали целый спортивный комплекс! В здоровой такой дуре со стеклянным потолком располагались два пятидесятиметровых бассейна, огромный спортзал, а на втором этаже еще и тренажерку с мини-фитнесс центром разместили! Про небольшое такое помещение с татами, боксерским рингом, а так же отдельным танцевальным классом я вообще молчу! Ну и раздевалки, душевые, еще раз раздевалки, раздевалки и раздевалки...

И где мне здесь отыскать одного единственного тренера по плаванию, мне никто не скажет, не? Надоело уже совать свой любопытный нос с веснушками во все двери подряд, вот чесслово!

Томознув возле колонны с зеркалом во весь рост, моя светлость не удержалась и немножко покрутилась, приглаживая взлохмаченные волосы. Новые коричневые замшевые

ботиночки на тонком меху, теплая нежно-бирюзовая флиски с капюшоном и черные в обликпу джинсики с тонким начесом шли мне изумительно! А главное, как грели-то хорошо! Особенно на фоне того, как вчера испортилась погода, и я продрогла на временном рабочем месте. Так что прикид, купленный мне заботливым Кириллом, из разряда «ну и нафиг оно мне надо?» мгновенно перешел в почетный ранг «а где там мои любимые тряпочки?».

Эх, хороша, чертовка!

Селфи я-таки делать не стала, чай не барышня гламурная, и, сунув телефон в карман джинс, пошлепала в сторону раздавшегося где-то неподалеку свистка, мурлыкая уже порядком надоевшую песенку.

Проблема поиска тренера по плаванию вставала особо остро. Краснова свою часть договора не выполнила, а у нас уже завтра стоял по расписанию первый урок. Ничего криминального, кстати, староста старост не учудила, на попятную не пошла и даже не просто подзабыла. Все го-о-о-ораздо проще! Плаванье теперь хоть и входило в курс физической подготовки, да только зачет по нему ставили уже два преподавателя. Собственно, наш незыблемый бывший ОМОНовец, нежно Егором Дмитриевичем зовущийся, а вдобавок к нему...

– Ну, офигеть, какой тритон! – тихо присвистнула впечатленная по самое небалуйся я, рассматривая в приоткрытую дверь тщательно разыскиваемого тренера и физрука в од-

ном единственном, неповторимом и прекрасно-мужественном лице. Да фиг бы с ним, с лицом, там такое тело под красными шортами и белой футболкой скрывалось...

А можно я обо всем забуду и побуду вашей русалочкой? Согласна даже голос взяткой какой-нибудь ведьме с нашего потока сунуть и покорно рыбкой помолчать!

– Раз это все, – тем временем мягким баритоном произнес царь морей и водоемов, оглядывая раскинувшееся перед ним трибуны. – Не смею более вас задерживать. Если... Так, а это что еще за очаровательное создание? Девушка, вы проходите, не стесняйтесь, всё равно уже все переоделись!

– Тьфу ты, я как всегда не вовремя! – тяжело вздохнула и сплюнула разоблаченная я, входя в огромное, ярко освещенное помещение с бассейном. – Что, прям все? А вы, случаем, сами искупаться не желаете? Ну, так... чуть-чуть, хотя бы?

– Солнцева, я так понимаю? – склонил голову к плечу златоволосый Аполлон, разглядывая мое небрежное разгильдяйство почти что в кедах. – Ну, примерно такой мне вас и описывали.

– Вранье, поклеп и наговор! – отозвалась я, аккуратно обходя лужи вдоль бортика бассейна, дабы не поскользнуться и не навернуться в пугающую прозрачную бездну, невкусно пахнущую гадкой хлоркой. – Ну, если только вам не сказали, что я единственная, неповторимая, замечательная во всех смыслах...

– Рыжее чудище! – радостно закончили откуда-то сверху.

Народ поржал, эхо весело отскакивало от стен, покрытых кафелем, а Аполлон даже улыбнулся!

Я насупилась, остановившись в двух шагах от тренера, оглядывая сидящих на трибуне студиозовов, пытаюсь отгадать, кому же жить так вдруг надоело-то? Но обнаружив радостно улыбающегося Липницкого, чуть не застонала вслух.

Ну почему, ну вот почему меня угораздило заявиться в бассейн именно тогда, когда там заканчивал свои занятия четвертый курс? Не первый, не второй, ни, на худой конец, пятый. А именно четвертый, да еще и та группа, где сидит в полном составе моя любимая «святая» троица?!

Оспади... ну за что ты меня так не любишь, а?

Я ведь этих гавриков два дня уж как не видывала. Позавчера, когда меня забрал Кирилл, мои друзья-приятели даже смсками закидать меня не изволили. Ну, то-то и понятно, от шока отходили, знач. А утром меня разбудил звонок телефона, через который виноватый голос моего любимого шефа таки слезно умолял меня выйти на работу на другую мойку. В день. Администратора у него, видите ли с приступом аппендицита в больницу увезли.

Ну ладно, чего уж там, бывает.

Согласилась. Горестно повздыхала в рубашку Кирилла, отказалась от предложения меня подвезти и укатила на рабочий фронт на собственной бибике, парнями Кира ночью к моему дому доставленной. Предварительно попрощавшись с мужчиной еще раз так пять – отпускать его не хотелось ка-

тегорически.

– Ну, ладно, чудище, – хмыкнул тренер, сунув руки в карманы ярко-красных шорт. – Пойдем уж, поговорим.

И увел меня в свой кабинет, что в дальнем конце бассейна находился. Я украдкой вздохнула с облегчением, аккуратно шагая по прорезиненному вокруг бассейна полу. Поскользнуться-то не поскользнусь, а вот зацепиться ботинками за рубчик и ухнуть носом в воду – это да, это я могу!

– Ну, и что ты от меня хотела? – устроившись за своим столом в небольшом светлом кабинете с кучей медалей, сертификатов и наград на полочках, поинтересовался физрук умопомрачительной внешности, обалденной наружности, сразу мной обожаемый и авансом лелеемый. – Егор сказал, что у тебя какая-то просьба ко мне.

– Ну, как бы, – смущенно почесала я нос. – Такая имеется. В общем... Евгений Евгеньевич, а освободите меня от занятий... месяца так на два!

– Чего? – прибалдел от моей наглости Аполлон Бельведерский и царь морской в одном сплошном хорошеньком лице, и ехидно так поинтересовался. – А больше ничего не надо, а?

– Надо. Вас! – не удержавшись, брякнула моя невинность, наивно хлопая глазами.

И тут Тритон всея бассейна, как говорится, офигел...

В общем, за дверь меня все-таки не выставили. К счастью.

Евгеньевич, не смотря на ситуацию, меня на хутор не по-

слал, по голове ничем не настучал, и даже просто и незатейливо не выгнал. Не, мужик оказался крут по всем статьям! Мало того, что выглядел как древнегреческий бог, чувством юмора обделен не был, он-таки оказался еще и весьма сообразительным! Короче, мне сразу приказали «выкладывать начистоту, что и как, а уже потом решим подумать».

Выложила. Подумали. Согласился!

Даже помочь пообещал!

Из кабинета я вывалилась, радостно пританцовывая румбу. Это же... Он же... ну прям вах! Вот не был бы преподам, влюбилась бы нафиг! Упаси его оспади боже, конечно, от такой, как я... Спорю на капоте любимой машинки, седые волосы Евгеньевичу ни разу не пойдут!

Мне, кстати, тоже.

Хотя на самом деле, как будут смотреться белесые волоски на моей шкурке почти редкого окраса, мне предстояло вот-вот убедиться на собственном горьком опыте. Ибо возле бассейна на дорожке меня ожидал никто иной, как нехристь моя чудная, нехристь моя любимая и глупо ревнующая. И сейчас, кажется, собирающаяся активно объяснять и доказывать, как же на самом деле я была не права!

– Ну, здравствуй, оторва моя рыжая, – спрятав руки в карманы спортивных штанов, почти весело пропел шатен при моем приближении. – Что-то давно тебя не было видно.

– И тебе не кашлять, – напряженно отозвалась я, почесав бровь и остановившись в паре шагов от парня. Исаев выгля-

дел уж каким-то слишком подозрительно... счастливым. Что меня априори не могло не нервировать! – Да я как бы это... на работе была. И, вообще, только не говори, что ты меня потерял!

– Ань, я заезжал на мойку, – качнув головой, насмешливо отозвался Демьян, делая шаг вперед. – Тебя там не было. Думаю, мы оба знаем, где ты провела эти два дня. И ночи.

Ага. В любимой теплой постельке, в окружении подушек, одеяла и ползающей по моей голове Ни-Ни! Но ему-то, собственно, какое нафиг дело?

– Даже если так, – прищурила я глаза, стараясь говорить негромко, ибо на трибунах все еще оставалось с десяток никому ненужных свидетелей. – Тебе-то что, Исаев?

Неожиданно парень шагнул вперед и банальным таким рывком прижал меня к своему телу – я даже пискнуть не успела. Только глазки так раз, и почти выпали от удивления!

– Скажи-ка, Солнцева, – наклоняясь к моему лицу, усмехнулся вдруг нечестивец, – А когда ты собиралась мне рассказать, что встречаешься с Громовым? До того, как мы переспим или после?

– Нехристь, – почти прошипела я, обалдевшая от такого вопроса, точнее от его содержания! – А с какого такого бо-дуна мы вдруг с тобой должны переспать, а?

– Ань, я ведь тебе нравлюсь, – улыбнулся Исаев, коснувшись пальцами моего подбородка. – Глупо отрицать.

– Да какого, собственно, огородного овоща ты взял, что

ты мне... – попыталась было послать наглого шатена моя оскорбленная до глубины натура. Однако мне этого сделать не дали, заткнув единственным надежным способом, сгубив на корню речь, пропитанную ехидством, сарказмом и приличным количеством яда. То есть физическим!

Короче, меня просто поцеловали, просунув одну руку под рюкзак, прижимая к сильному спортивному телу, а второй удерживая за подбородок.

Кто-то где-то наверху присвистнул, а я как-то внезапно поняла, что нечестивец-то в чем-то может быть и прав....

Нет, с разбега да в койку я к нему прыгать не собиралась, пускай свой распустившийся буйным цветом тестостерон упакует в баночку вместе с гормонами до лучшего времени. И все-таки... чего ж он так хорошо целуется-то?!

Наваждение, растекшееся по всему телу, вместе с остатками мозгов и самообладания, померкло минуты через две. Ну, так, навскидку. С трудом разлепив ушедшие в nirvanу глазки, я пошевелила безвольно обвисшими лапками... и едва не взвизгнула, сообразив, в каком положении оказалась!

– Исаев, только не вздумай меня отпускать! – резко взбледнув, нервно пискнула, цепляясь за белоснежную футболку парня, удерживающего меня над водой. Этот... армагеддец человеческого происхождения, пока моя светлость в состоянии легкой эйфории прибывать изволила, увлек меня на самый край бассейна, да еще и прогнуться слегка над ним заставил так, что теперь под моей спиной распростерлась

прозрачная ледяная и навверняка глубокая водная гладь! С этой стороны бассейна старшие курсы практиковали прыжки в воду, и глубина именно здесь метров шесть, если не больше...

И вот тут я уже испугалась по-настоящему!

А кто-то всего лишь иронично выгнул бровь, с насмешкой смотря на меня сверху вниз, не обращая внимания на далекие окрики:

– А это от тебя зависит. Скажи-ка мне, оторвая моя ненаглядная... А кто лучше: я или Громов?

– Да ты, ты, – ругнулась я, чувствуя, как натурально трясутся от страха коленки. – Доволен? А теперь поставь меня обратно!

– Дем, не вздумай! – раздался предупреждающий крик Игоря, но...

Усмехнувшись, Исаев разжал удерживающие меня руки.

Удара об воду я почти не почувствовала. Вмиг намокшая одежда и обувь просто потянула меня ко дну.

Сунув руки в карманы, довольный своей маленькой местью Исаев ухмыльнулся, глядя как по воде расходятся круги после падения рыжей.

Он ведь почти простил ей ее маленькое предательство с Громовым. В конце концов, девушку можно было понять –

такие мужчины, как Кирилл на дороге не валяются, и удержаться плохо разбирающейся в подобных людях Солнцевой оказалось сложно.

Однако не стоило так откровенно врать только ради того, чтобы он ее отпустил.

Ничего. Короткий заплыв в прохладной воде еще никому не помешал и...

И Исаев не понял, какого собственно, хрена, мимо него промчался Полонский. Молча. А после и вовсе спрыгнул в бассейн прямо в одежде.

И, увы, осознание пришло только вместе с хорошим ударом кулака в челюсть в исполнении Игоря Липницкого:

– Придурок, она плавать не умеет!!

Демьян сплюнул кровь с разбитой губы. Ни сразу, далеко не сразу до него дошел смысл сказанного Игорем. Подобное просто не укладывалось в голове, звенящей после сильного удара: как девушка в ее возрасте не могла уметь плавать. Как?!

Не веря своим глазам, Исаев, находясь в состоянии какого-то ступора смотрел, как Игорь помог вытащить из бассейна бессознательную Солнцеву. Подтянувшись, Полонский выбрался сам, а Липницкий в этот момент, аккуратно положив девушку на прорезиненную дорожку, судорожно искал пульс на ее шее.

Демьян смотрел и не верил. Да не могла она утонуть... не могла!

Это же университетская оторва и невообразимая ехидна, ей сам черт не страшен, не то, что обычная вода!

Однако видение Богдана, делающего искусственное дыхание бессознательной девушке, твердило на всех языках об обратном. Исаев ее только что чуть не убил... причем собственноручно!

Анька пришла в себя после первых двух вдохов. Выплюнув воду, девушка судорожно кашляла, поворачиваясь на бок. И, наверное, только тогда до Исаева дошел весь смысл произошедшего. Господи, какой он идиот...

Нет, он хуже!

Богдан, по чьим серебристым волосам стекали крупные капли, одарил его одним единственным взглядом. И Демьян понял – будет мстить. Медленно и со вкусом. И вот теперь уже по-настоящему.

Он ведь что-то испытывал к Солнцевой. И что-то гораздо более сильное, чем казалось на первый взгляд.

– Ань, жива? – обеспокоенно спросил Игорь, помогая девушке сесть. – В порядке?

Та рукой махнула, тяжело и хрипло дыша. А Полонский, ни говоря ни слова, вдруг резко притянул ее к себе и прижался лбом к ее виску, прикрыв глаза...

В лицо Исаева прилетело полотенце.

– Кровь вытри, герой-любовник, – саркастично прокомментировал свои действия появившийся в последний момент Евгений Евгеньевич. И уже гораздо громче крикнул. –

Игорь, порядок?

Липницкий только отмахнулся.

– Ну, идем, поговорим, что ли? – задумчиво протянул мужчина, смотря на растерянного Исаева. – Я даже постараюсь тебя крыть не матом.

Демьян на это никак не отреагировал. Он сейчас мысленно материл себя такими словами, которые ни тренеру, ни Солнцеву, не всей банде Харлея даже и не снились.

– Ань, в порядке? – обеспокоенный Игорь пощелкал пальцами пред моим лицом, постепенно возвращая к реальности. – Голова не кружится?

– Да нет, – отрицательно мотнула головой, смахивая с лица стекающую воду, – Вроде нормально...

Но находиться в мокрой одежде и обуви – удовольствие еще то. Особенно в обуви.

Чувствуя, как все еще саднит легкие и дерет горло, я протянула руку и стянула новый ботиночек с левой ноги. Медленно вылила из него приличное количество воды и грустно протянула:

– Кир расстроится.

И вот тут-то, кажется, кого-то начало отпускать...

Первым расхохотался Богдан, растянувшись прямо на дорожке, прикрывая глаза тыльной стороной ладони. Я шмыг-

нула носом, вяло улыбаясь, а Игорь, усевшись на корточки, иронично протянул:

– Я с нее хренею. Она только что, блин, чуть не утонула, но ботинки ей жалко больше всего...

– Они новые, – я снова шмыгнула и вылила воду уже из второй обуви. – Вчера только Кирилл купил, чтобы я больше не болела. А сейчас домой вот так поеду и опять чихать начну...

У Игорька, кажется, глаза на лоб полезли. Абсолютно мокрый Богдан, в синей безрукавке, липнувшей к телу, резко сел, рассматривая меня. А я... мне вдруг так грустно-грустно стало.

– Отходняк, – наконец-то догадался Липицкий.

Я еще раз шмыгнула носом... и уже откровенно разревелась. Не говоря ни слова, Богдан снова притянул меня к себе, и в дальнейшем я ревела уже прижавшись щекой к его груди. Один черт оба мокрые.

В себя пришла далеко не скоро и то лишь только тогда, когда почувствовала, что меня трясет то ли от холода, то ли от пережитого.

Сказать по чесноку, так в своей жизни я еще ни разу не пугалась!

– Так, ну все, сопли прекращаем, – преувеличено бодро командовал Игорек, вздергивая меня на ноги. Всучив мне огромное белое полотенце с эмблемой универа и теплую толстовку со своего эльфийского плеча, парень протянул руку

Богдану, помогая тому подняться с мокрого пола, и, сунув ему такое же полотенце, подтолкнул меня в сторону одной из дверей, виднеющихся в углу. – Марш в раздевалку, выжмись, вытрись и переоденься. Не знаю, что у вас там на самом деле, но расстраивать Громова твоим насморком я тоже не хочу. Шагом марш!

И я поплелась, уныло вытирая лицо рукавом. Ну, хоть кто-то в этом мире уважает право на личную жизнь...

В женской раздевалке я быстренько разделась и насухо обтерлась полотенцем, осторожно промакивая свежую и теперь отчаянно щиплющуюся тату. Отжала мокрую одежду, неприятно пахнущую хлоркой, волосы и с отвращением и большим трудом влезла в мокрые джинсы, понимая, что на уроки плавания, обещанные мне добрым тренером, я теперь ни ногой.

Хватит, набулкалась на всю оставшуюся жизнь!

Когда над твоей головой смыкается толща ледяной воды, а ты совсем, ну совсем не умеешь плавать и даже не знаешь, как это делается – это еще пол беды. А вот когда мокрая одежда тянет тебя ко дну, при судорожном вдохе в легкие до боли забивается вода, в глазах появляются красные точки и сознание начинает уходить, ты понимаешь, что шансов выкарабкаться, в общем-то, не осталось уже никаких.

Это страшно. Это кошмарно. Это... жутко.

Спасибо, млять, любимая нехристь, я благодаря тебе культурно выразаться начала!

Собрала влажные волосы в пучок, напялила толстовку Липницкого прям на голое тело и затолкала мокрую одежду в не менее мокрый рюкзак. Моя домашняя работа... весь вчерашний день на нее угрохала!

Шмыгнув носом, подошла к висящему на стене межстройного ряда металлических кабинок зеркала во весь рост и криво улыбнулась. Одна хорошая новость, товарищи! Водостойкая тушь оправдала свое название. У кого б теперь еще помаду скомуниздить, чтобы посиневшие губы замаскировать? Видок у меня – ну краше в гроб кладут!

Грустно шлепая обновленными со всех сторон ботинками, вернулась к бассейну, где и обнаружила парней. Одних, свидетелей, похоже, уже выгнали. Подошла, держась подальше от бортика и, вздохнув, уткнулась носом в грудь выжатого, вытертого, полуобнаженного с накинутыми на плечи полотенцем Богдана.

– Спасибо, – тихо поблагодарила, обнимая его за талию. Хотелось крепко-крепко, да сил уже не осталось.

– Не за что, – так же тихо ответил парень, после секундного раздумья пристроив свою ладонь у меня на макушке.

– Так, ладно, двигаем, – видя, что мы никуда не собираемся, поторопил нас Игорек и, дождавшись, пока я отлеплюсь от Полонского, поволок меня на выход, подхватив под локоток, предусмотрительно держа подальше от края бассейна.

Естественно, не успели мы выйти на улицу, как я замерзла вмиг!

– Гадство, – постучала зубами моя светлость, дорожа на парковке вместе с единственной березкой. Брелок сигнализации промок насквозь и, естественно, открывать родимого малыша не собирался.

– Ань, садись, – Богдан, накинувший куртку на голое тело, распахнул дверь своего кроссовера. – Давай-давай, а то сейчас оба примерзнем.

– Уверен? – пискнула я, но на шагок к его машине придвинулась. У него-то ключи, телефон и прочие мелочи в рюкзаке находились, стоя на «берегу», пока он сам мою захлебывавшуюся тушку вылавливал.

– Салон кожаный, – хмыкнул Полонский. Долго меня уговаривать не пришлось!

– Дан, отвезешь ее домой? – хмуро спросил Игорь, глядя куда-то обратно, в сторону универа. – А то есть у меня тут еще... пара дел.

– Биту из багажника не доставай, – усмехнулся Богдан, усаживаясь за руль. – Здесь камеры кругом.

– Я помню, – еще хмурнее отозвался Липницкий.

Я только плечами пожала, весело постукивая зубами и засовывая озябшие ладони поглубже в карманы. Игорь не дурак. Хочет разборок с собственным другом – останавливать не буду. Огрести по роже Исаев вполне заслужил, а до смертоубийства Эльфенок вряд ли опустится.

Во всяком случае, я на это надеюсь!

Ехать домой было весело! Попу припекал подогрев сиде-

ний, печка горячим воздухом обдувала лицо, зубы отбивали дробь, а сидящий рядом Богдан старался сильно не смеяться. Долетели мы на удивление быстро, сработал даже чип-ключ для шлагбаума, так что доставили меня в родные пены, закатившись прямо на подземную парковку.

– Спасибо, – еще раз поблагодарила я парня, приглаживая высохшие и вставшие дыбом волоски. Полонский кстати, уже не смеялся, а просто как-то серьезно и задумчиво смотрел на меня, положив руки на руль. И я вдруг озабочилась. – А ты как сам-то домой поедешь?

– Да так же, – пожал плечами Богдан и указал головой на дверь. – Иди, пока не заболела. Я позвоню вечером.

– На тапочек? Телефон-то ку-ку... И думаешь, если заболеешь, то придет мой черед работать нянькой? – вкинула я брови и фыркнула, нашаривая дверную ручку. – Э, нет, мил человек. Вы, мне, конечно, бескрайне дороги, но у меня работа, учеба и куча живности, требующая, как ни странно, жрать и часто. Так что давай, ноги в руки и пошли. Отмоешься, согреешься, просохнешь и уже тогда поедешь.

– Ань, – насмешливо попытался возразить Богдан, но я его некулюторно перебила, выпрыгивая из машины:

– Давай-давай! Не могу ж я отказать своему спасителю в такой малости, не заставляй меня чувствовать себя виноватой. Терпеть не могу, когда мои косточки совесть обсасывает своими выбитыми зубками. Шнеле, шнеле, ай лю-лю!

– Ну, раз так, – рассмеялся Богдан и машину все-таки за-

глушил.

Таки ура, товарищи! Ни одно доброе дело сегодня не останется безнаказанным!

Едва попав в квартиру, в горячий душ я отправила его первым, сославшись на то, что нужно отыскать ему подходящую одежду. Богдан зубами поскрипел, но согласился. Стараясь особо не дрожать, быстренько разделась, влезла в теплый махровый халат, вооружилась табуреткой и полезла на антресоли. Где-то, помнится, оставались тут шмотки от предыдущего владельца... Розовую свободную футболку со стразами Полонский, конечно, вряд ли оценит, но вот белые спортивные штаны должны подойти.

Поскреблась в дверь, просунула штанишки, крикнула, чтобы шмотки в стиралку закинул, и поскакала на кухню ставить чайник. Не успела даже рыбок покормить, как из ванной вышел Богдан в тех самых штанах, чуть ему длинноватых, вытирая мокрые волосы полотенцем. Я проворно заняла его место.

Купалась... долго. Пока согрелась, пока шевелюру помыла, пока сама отмылась – полчаса прошло точно. А еще я никак не мола избавиться от преследовавшего меня запаха хлорки. Он был везде: на коже, на волосах, на руках... после пятого намыливания я понимала, что меня уже конкретно глючит, но избавиться от наваждения не могла. И только когда попавшее-таки на татуировку мыло стало щипать, я наконец-то решила завязать с помывочными процедурами.

Отжала волосы, потянулась за вещами и замерла, осознавая одну простую истину.

У меня ведь лапки короткие, чтобы обработать мазью надпись.

Ну, японский магнитофон...

Пришлось кутаться в огромное полотенце и топать на поклон к моему вечному спасителю. Вот ей-богу, Богдан у меня просто фея-крестная из сказки, не иначе!

Прихватив заживляющую мазь, моя невесть от чего смущенная полуобнаженная натура вышла из ванной... и замерла с совершенно не эстетично отвисшей челюстью.

В прихожей, возле крайнего аквариума с памятной рыбкой стоял Полонский. С практически сухими волосами. Без полотенца. В одних штанах.

Я чуть не сглотнула, пальцами вцепившись в фиговенькое подобие собственной древнеримской тоги. Извиняюсь, конечно, сердечно, но где ж он раньше свою фигуру прятал-то?!

Подтянутый и, как я уже говорила, жилистый. Плечи... ням, по-другому и не скажешь. Отчетливо виднеющиеся сквозь загорелую кожу силуэты мышц, сильные руки и кубики, кубики, кубики. Все красиво, все заметно и все в меру. Прямо как я люблю!

У меня как-то незаметно перехватило дыхание. Я даже сразу не сообразила, что стою и тупо пялюсь на своего друга, вдруг оказавшегося таким... сногшибательным.

И совсем не заметила еще парочку любопытных вещей. Но ровно до тех пор, пока сам Богдан не усмехнулся, поднимая в руке одну из них, и не спросил так вкрадчиво:

– Значит, говоришь, твое знание корейского ограничено лишь просмотром дорам?

Я машинально перевела взгляд на его пальцы, между которыми была зажата книга, которую я вчера читала. Перед сном. И, поленившись, оставила ее на тумбочке. И написан этот весьма любопытный роман был на чистейшем корейском языке!

Упс...

ГЛАВА 3.

– Ну как бы это, собственно, – почесала нос моя смущенная светлость, пойманная на месте преступления.

Отрицать теперь было бы глупо. Оправдываться – еще глупее. Рассказать правду? Вообще невыполнимо! Но признаться, кажется, все-таки придется... Вздохнув, я переступила с ноги на ногу, подняла голову... И расхохотавшись, едва не сползла по стенке!

– Что? – немного растерялся озадаченный моим поведением Полонский.

Конечно, он тут обличительную речь заготовил, к совести моей воззвать собрался, отчитать за вранье попытался... А я ржу, как конь на конопляном поле!

Прыснув, я расхохоталась снова и, отлепившись от стенки, подошла. Жестом попросила блондина нагнуться и, придерживая полотенце на груди, сняла с волос Богдана сопротивляющегося и возмущенно попискивающего сахарного опоссума.

– О, как, – выдал Полонский, разглядывая брыкающегося в моей руке зверька. Мельком оглядев мой в меру скромный имидж, парень иронично вскинул брови. – Новый жилец?

– И не только он, – фыркнула я и смущенно улыбнулась, поворачиваясь спиной и потрясая тюбиком с мазью, локтем

прижимая полотенце к груди. – Поможешь?

– Угу, – как-то обреченно отозвался Богдан.

Достав из холодильника половинку банана, я пристроила момонгу на столе и, пока живность с аппетитом принялась за угощение, уселась на табуретку, перекинув влажные волосы на грудь. Богдан пристроился сзади (как пошло звучит-то, прости оспади!) и я чуть не вздрогнула, когда его пальцы коснулись моего плеча.

Та-а-ак... А вот это уже любопытно! Гормоны-гормоны-гормончики... Шалить изволим, да баловаться?

Хотя, в такой ситуации, да в таком виде, да после всего, что произошло... Да еще теперь его пальцы так аккуратно скользят по коже, втирая мазь в свежую тату...

Мне не нужно насиловать Богдана. Мне не нужно насиловать Богдана. Не нужно, я говорю!!

Но блин, хочется...

– «Dum Spiro Spero», – легко и спокойно прочитал Богдан, не прекращая обработку моего «боевого ранения». Вот завидую я его спокойствию, как он умудряется, а? – Что это значит?

– Пока живу – надеюсь, – перевела я, стараясь понять: а собственно, факт, что я парня как бы не возбуждаю, меня сейчас радует или же совсем наоборот?

Эх, прав был Кир – кушать надо явно больше! Мужчины же они такие, не собаки, на кости не бросаются...

– А это? – вручив мне закрытый тюбик, парень устроился

на стуле напротив, кивком указывая на зверушку, с упоением догрызающую свой обед. Судя по его улыбке, животинка ему нравилась гораздо больше, чем я!

Эх... пореветь с горя в ванной, что ли?

– А это наглядное пособие о том, что не нужно стоять умильную рожицу в зоомагазине в присутствии Громова! – фыркнула я, аккуратно слезая с табуретки, придерживая собирающееся капитулировать полотенце.

Куда намылилась, тряпка поганая?! Ни видишь, френдзо-на у нас тут!

Быстренько переодевшись в теплые пижамные штанишки и кремовую футболку, кое-как державшуюся на одном плече, а со второго небрежно сваливающуюся, что было мне только на руку (лишний раз бедную татушечку тревожить не будет) я закинула мокрый рюкзак и шмотки в стиралку прямо к вещам Полонского. Запустила режим стирки и сушки, на батарее пристроила тетрадки и вернулась на кухню, на ходу вытрясая воду из брелка сигнализации и телефона.

В их реанимации я, если честно, очень так сомневалась, но на всякий случай оба разобрала по запчастям и в банку с рисом запихала.

– Есть хочешь? – поинтересовалась у Богдана, который с лицом мага экспериментатора наблюдал, как моя новая зверушка карабкается по его обнаженным рукам, соскальзывает, но упорно пытается забраться вверх. – Поцарапает же.

– А что она вообще от меня хочет?

Прыснув, я пересадила несчастную момонгу на почти сухую шевелюру блондина. Зверушка перемещению в пространстве обрадовалась, а вот Полонский – не особо!

– Ни-Ни любит сидеть на волосах, – пояснила я, методично разграблявая содержимое холодильника. – Она за два часа научилась открывать защелку на клетке, приходится комнату теперь закрывать, чтобы она цветы в кружавчико не пожевала. Знаешь, как прикольно утром ее из головы вытаскивать? У-у-у... Кстати, ты ей, похоже, понравился.

– Я рад, – подперев щеку кулаком, с «восторгом» отозвался Богдан, пока моя животинка, радостно попискивая, устранилась у него на голове какое-то подобие гнезда.

Я злорадно похихикала, не без этого. Ну, а чего, не одной же мне страдать! Я за эту, как ее... Добро и справедливость, во!

Выставив на стол останки вчерашнего с салата из ветчины, сыра и ананасов, и чудом оставшуюся лазанью, забралась на табуретку и радостно потерла лапки, ляпнув традиционную фразу японцев:

– Иттадакимас! – на меня в ответ так посмотрели... Я поспешила откреститься. – Не-не, никакого японского!

Еще один недоверчивый взгляд в ответ. Пришлось поспешно каяться:

– Только английский со словарем и чуть-чуть корейский. Ладно, не чуть-чуть. Ну, ладно, далеко совсем не чуть-чуть, и не надо тут во мне дырку взглядом делать! Ешь давай.

Богдан хмыкнул, но комментировать не стал. С трудом снял со своих волос категорично протестующую Ни-Ни, наложил себе в тарелку салата и, устроив опоссума на коленях, поделился с ним кусочком ананаса. Белка взятку одобрила.

– Обжора, – прокомментировала я сие действие. – Куда в нее столько лезет? Дан, ты тоже ешь, пока не остыло. Кир, конечно, не шеф-повар дорого ресторана, но готовит вкусно.

Блондин попробовал. Удивился. Распробовал. И спокойно так заметил:

– Повезло тебе с родственником.

Я аж салатом подавилась!

– Кхе-кхе, – с трудом откашлялась и, запив соком, осторожно спросила, глядя на мистера невозмутимость всея универа. – А-а-а... откуда ты знаешь?

– Да брось, Ань, – равнодушно пожал плечами Полонский, спокойно принимаясь за еду. – Громов не из тех людей, кто стал бы афишировать на публику отношения со случайной любовницей. И уж тем более не разрешил бы своей официальной девушке пахать на нескольких работах и сидеть на коленях сомнительных личностей вроде меня или Харлея. Значит, ты либо его сестра, либо племянница. Подозреваю второе, ибо вчерашнего букета роз я у тебя так и не увидел. Зато обнаружил весьма забавного питомца... Ань, такие подарки девушкам не дарят. К тому же, твоя одежда... Своим дамам Громов преподнес бы платья и украшения, а не стал бы беспокоиться, что они могут замерзнуть в холода.

– Да что ты говоришь, – ошарашено протянула я, глядя на эту... сомнительную личность номер один! – И куда же, по твоему, исчез сей веник расчудесный?

– Вспоминая твоё настроение в понедельник, – усмехнулся Богдан. – И некоторые факты твоей биографии, тщательно подтертой Громовым... Осмелюсь предположить, что вы ездили на могилу твоей матери.

– В точку, кэп, – сухо отозвалась моя чуточку шокированная и местами раздавленная свалившейся на голову информации светлость. Хотя уже скорее темнота! Настроение теперь... темнее некуда.

– Один вопрос, – отложив вилку, Полонский выставил локти на стол и, переплетя пальцы, пристроил на них подбородок, смотря на растерянную меня. – Почему ты сразу не сказала?

– Богдан, не проси меня рассказывать, – мотнула я головой, невольно отводя взгляд и сжимая руки в кулаки. – Я все равно не смогу при всем своем желании. Не имею права...

– Ань, – неожиданно насмешливо перебил меня Богдан. – Я сейчас имел в виду поездку на кладбище. Разве я когда-нибудь просил тебя рассказать абсолютно все о себе?

И тут, как говорится, пришла моя очередь тихо офигеть. Вот же... засранчик белобрысый. Гадость светловолосая! Пакость эльфи... А не, пардон, это уже не из той оперы.

Ах, вот, значит, как, да?

Я сузила глаза, глядя, как Полонский кормит сидящую у

него на коленях Ни-Ни, даже не пытаясь скрыть многозначительную и веселую улыбку. Издеваться, значит, надо мной удумал, да?

Ну-ну... Как там было в том мультике-то? Я испоо-о-орчу вам праздник!

– А я уже говорила, что я тебя люблю? – подавшись вперед, с умилением спросила вся такая невинная я, хлопая некрашенными ресничками.

О-о-о... Оказывается и воздухом можно красиво подавиться!

– И, – с трудом откашлявшись, недоверчиво посмотрел на меня Богдан. – За ж что мне такая... честь?

– Ты хотел сказать «сомнительно счастье»? – иронично вздернула я бровки, пристраивая руки под подбородком вместе с зажатой в них столовым прибором. – Договаривай, мой милый друг, раз уж заикнулся!

– Ни в одном глазу, – насмешливо, но непреклонно пошел блондин на попятную. – И все-таки? За что?

– За все, – теперь настал мой черед пожимать плечами. – Ты меня спас. Ты заботишься обо мне. Ты меня понимаешь. Ни о чем не спрашиваешь. И... не лезешь в личную жизнь. Чёрт!

Вилка была со звоном отшвырнута на стол.

Запустив ладони в волосы, я взлохматила их, невольно морщась. Как бы я не старалась отрешиться и отвлечься, поступок Исаева никак не желал идти из головы. И, если парню,

отчаянно ревнующему, не умеющему себя вести с понравившейся девушкой, избалованному и нифига не соображающему от злости я еще могла найти оправдание с большой такой, хреновой натяжкой... То голубая бездна, смыкающаяся над головой и отчетливой запах хлорки, забивающий нос вместе с водой, слишком четко стояли перед глазами.

– Ань, – неожиданно позвал меня Богдан. – А пойдем, погуляем?

Я чуть со стула не навернулась!

Какими зигзагами у него логика бегаёт, а?!

– Чегось? – вылупилась я на него, как новая зубатка, которой я на полном серьезе по дороге домой грозила «попробуй только сдохнуть, я в духовке тебя за жарю и с вином употреблю!».

Полонский, посмеиваясь, кивком головы указал на окно. А за ним, как оказалось, всю светило яркое теплое солнышко, распугавшее своим шальным позитивом хмурые осенние тучки...

Хм, а почему бы нет, собственно?

– Так пойдешь? – не удержавшись, прыснула я, указывая пальцем на его полуобнаженную натуру с радостно ворочающимся опоссумом на лохматой шевелюре. Эдакий пушистенький, мягонький, полосатенький завершающий образ штрих... Гламурненько! Пора подаваться в законодатели моды. Не, ну а что? Будет писк сезона в прямом и переносном смысле! И гринпис порадует. Экономия на материале,

опять же...

– А телефон мне на что? – иронично спроси Полонский. Да уж, действительно, чего это я?

Короче, собрались мы гулять. Богдан кому-то позвонил, а через сорок минут, не успели мы докушать, периодически даваясь смехом, разрабатывая новые модные направления, раздался ответный звонок. Напялив шлепанцы, дружище пошел забирать у своего водителя привезенную им одежду.

Вернулся скоро, правда не один...

Нудистов в одних штанах на моих жилых квадратных метрах как-то сразу прибавилось. Или умножилось?

– Мих, а ты откуда? – вылупилась моя светлость на отчаянно зевающего полуголого соседкушу.

Мну, собственно, не понял – это у меня гормоны на почве нервных потрясений активизировались аль ребята все, как один, по осени в качалку ломанулись? Чего они тут, блин, такие все красивые и голые шастают?

– Игорь звонил, – душевно зевнул мой жених с приставкой «типа» и по-хозяйски так завладел безраздельным вниманием моей кофемашины почтенного возраста. – Половину из его слов не понял. Сказал проверить, как ты, потому что у кого-то все время занято. Что опять натворили?

– Гулять собрались! – переглянувшись, радостно выдали мы с Богданом. Честно-честно так.

– Конспираторы, – усевшись на стул вместе с кружкой,

сладко зевнул Алехин и пристроил голову на сложенных руках. – Я с вами...

Мы переглянулись. Пожали плечами. А почему и нет? Третий, как говорится, не лишний, третий – запасной.

Ладушки. Теперь осталось только разбудить этого вялого гризли в период сладкой спячки!

Но не прыгать же вокруг него, как Маша из мультика?

Невкусный кофе отправился в раковину, кофемашина принялась за капучино, я занялась поисками останков грушевого сиропа. Нашла. Набодяжила. Подсунула кружку с ароматным напитком под самый нос соседа и, поманив за собой Богдана, отошла, наблюдая за занятым зрелищем. Жаль, только камеры под рукой не оказалось!

Михась вроде как сначала сладко спал. Но вот нос его дернулся. Едва заметно так! Потом отчетливее. Потом вообще зашевелился, поморщился, косматая голова поднялась... И парень, не открывая глаз, присосался к кружке.

Мы от хохота чуть не легли!

Махнув рукой на это сонное безобразие, я пошла собираться и вот уже через полчаса предстала перед парнями во всей своей убойной красоте. Джинсики теплые, черные, в облипочку. Кеды-ботиночки, они же марантами зовущиеся, новые и белые. Свитерок-туника до середины бедра и с рукавами, прикрывающими костяшки пальцев тоже беленький, мягонький. Короче, красотень со всех сторон!

– Ну, Мих! – застонала разочарованная я, ожидающая со-

всем иной реакции.

Ибо мой соседушка, не смотря на выпитый напиток, все равно спатеньки улечься изволил! Прямо за столом!

Нудную песенку с прыжками вокруг него и с завываниями на тему: «поиграй со мноо-о-ю, поиграй со мно-о-ою» я все-таки исполнила.

Жестокий и коварный способ, проняло даже вечно невозмутимого Богдана!

Обреченно застонав, Алехин ласково попросил заткнуть рыжее неугомонное чудище в лице меня любимой, и уныло потопал переодеваться.

Встретились уже на парковке, где мое нетерпеливое высочество активно подпрыгивало с сигаретой в зубах, ожидая явление любимого директора, если и не заснувшего в процессе одевания, то по чистой случайности!

Не заснул, явился. Морда сонная, волосы кое-как прилизаны, на ногах камуфляж и берцы, наверху футболка с волками и теплая черная куртка с белой опушкой. В ладони ключи, на шее дорогой хороший фотоаппарат, а во взгляде вопрос, заданный самым разнесчастным тоном: «И на кой хрен я вообще сюда приперся?».

То-то, Лександрыч! Надо сначала думать, а потом делать! А лучше вовсе сначала проснуться, потом подумать, а потом уже сделать.

Но все мы если и умны, то исключительно задним числом. А то и задним местом!

Короче, почирикали мы на досуге и стоворились ехать на набережную. Моего малыша решили позже забрать, дабы я не отставала от парней в процессе поездки. Попыталась обидеться... не дали, сволочи. Молча поржали, загрузили в серебристую «Ауди» и понеслась, как говорится, душа в рай, а печень в отключку.

Не, мы не пили. И даже не пробовали. Более того, даже не заикались! И без алкоголя как-то вдруг нашлось и впечатление, и настроение, и приключения на пятую точку.

Началось все с того, что возле парковке на набережной мой взгляд зацепился за новый магазинчик автоаксессуаров, а взгляд Михи за кофейню. Постояли, поспорили. Плюнули и разошлись в разные стороны. Но! Моя-таки взяла, потому как Богдан увязался за мной, справедливо опасаясь, что я скуплю половину ассортимента, дабы побаловать моего единственного, неповторимого, незабываемого, шикарного во всех смыслах мужчину... одиноко стоявшему сейчас на парковке университета. Да-да, речь шла о моем автомобиле, а вы о чем подумали?

Короче, Богдан о своем маршруте не пожалел ни капельки! Наоборот, он даже вполне активно поучаствовал в заселении маленькой, но приятной и милой свинки, которую решила подложить коварная я своему гадкому соседушке.

Михась, по возвращению их кофейни, впал в состояние некой прострации, разглядывая наклейку во все заднее стекло своего «Хаммера», медленно и задумчиво потягивая ко-

фе через трубочку из высокого картонного стакана. Я, подхихкивая, честно пряталась за спиной Богдана, блондин, в свою очередь, героически скрывал меня за своим надежным телом, пытаясь сохранить серьезное выражение лица. А получилось сие с большим трудом...

Ибо на Лексадрыча с большой высоты смотрел... енот. Симпатичной такой, рисованной внешности, откровенно бандитской наружности, с трубочкой в зубах и стаканчиком в лапах. И сбоку приметная надпись: «I'm Enot. You are not»!

Ну не смогла удержаться моя светлость... от слов никак и совершенно!

В конце концов, Мих, одарив меня укоризненным взглядом, махнул рукой... но наклейку оставил.

И тем самым дал мне полный и безоговорочный карт-бланш на развлечения моей буйной по всем направлениям натуры. Что было дальше – слов нет одни эмоции. Соседушка сам-то по большей части фотографированием природы и нас красивых и неповторимых занимался, а мы же с Богданом... Чудили. Много и со вкусом! Дальнейшие наши приключения на городской набережной можно было смело заносить в анналы истории с красочной припиской «как делать не надо!».

Короче, один сплошной ай-я-яй, караул и вай-вай-вай, но с обязательным подведением итогов после каждого нашего злоключения.

Перво-наперво решили мы покататься на роликах. Да

осень, да холодно, да, прохожие пальцами у висков покрутили. Но кого это остановило? Покатались. Врезались все втроем и друг в друга. Богдан порвал штаны на коленке, я отбила копчик, а Мишка чуть не разбил фотоаппарат.

Итог: перекурили, подумали, полюбовались на перекошенные моськи на экране, нежно погладили чудом уцелевший фотоаппарат, решили больше так не делать и пошли сдавать взятые на прокат коньки обратно.

Потом стукнуло нам в голову, значит, уточек покормить. Оббежали весь ближайший район, отыскиали магазин, загрузились хлебушком по самые маковки и пошли сеять добро и еду в массы. Половину честно скормили прожорливой стае. Затем я едва не бултыхнулась в воду, Богдан перепугался, отодвинул меня подальше и остатки угощения докармливал уже сам. Насупилась. Достала из кармана кожаной куртки заныканную булочку и принялась тормошить вялого гусака, дремлющего с самого края. Птичка, спрятавшая голову под крыло, просыпаться даже ради халявной кормежки не собиралась, но моя настойчивость была неумолима! Короче, птичку, до боли напоминающего моего соседку, занимающегося в этот момент фотоохотой, я все-таки разбудила.

Итог: громко повизгивая, по набережной удирали от разъяренного гусака мы оба. Алехин, посмеивающийся в стороне, ехидно прокомментировал сие действие, отдельно отметив, что мой характер только гусю по нутру и пришелся, и вообще, какая я нехорошая, способна довести до белого кале-

ния даже бедную птичку... Короче, следующим драпал уже Мих.

Набегались. Упали толпой на лавочку, решили оставить страшную мстю на потом, и вывесить белые труселя в знак примирения и перекура. Лександрыч обиделся и труселя не дал. Обменявшись ехидными взглядами, мы с Богданом принялись обсуждать владельца клуба... на корейском языке. Хихикали. Михаил дулся, но ничего не понимал. Сердито пыхтел сигаретой и делал вид, что ничего не слышит и нас тут вообще как бы и не существует.

Договорились. Подбежала стайка девушек и на ломанном английском попросила с ними сфотографироваться. Мы обалдели, Александрович, знающий английский в совершенстве, радостно поржал. Ладно, сфотографировались. Девчата на всем том же корявом языке восхитились, какие мы милые, какая мы хорошая парочка, как чудно смотримся и какая редкость вообще встретить в Сибири настоящих корейцев. «Настоящие корейцы» офигели. И, переглянувшись, в ответ на вопрос, как нас зовут и откуда мы родом, выдали одновременно чистое и исконно-русское: «Чё?».

На нас обиделись. Сильно! Гоняли между елок снятыми перчатками. Я хохотала, Лександрыч ржал, Богдан пытался спрятаться. За спину. Мою!

Итог? А в итоге помирились. Ошибки признали, руки пожали и мирно разошлись. Ну, почти: на прощание одна из девушек, смущенно улыбаясь, попросила номерок.

Мой. Вот тут ругалась уже я под дикий хохот остальных!

Ладушки. Похихикали, как говорится, и дальше отправились.

Проголодались. Решили заткнуть ворчащего в животе червячка в ближайшей летней кафешке, не закрытой лишь каким-то чудом. Прорезиненный тент, натянутый куполом, доверия не внушал, а вот умопомрачительный запах шашлыков – очень даже! Короче, помялись, переглянулись, решились. Когда зашли внутри и устроились за грязным пластиковым столиком, поняли, что зря. Из посетителей в углу дремал только пьяный байкер бородатый, трогательно пристроивший круглое пузико на коленках, а владелец сия ресторана со звездочкой Мишлен, акромья как «шашлик гост хочет, да?» ничего внятного сказать не мог. Хотели свалить, но желудки хором напомнили, что «шашлик»-то нам как раз нам и нужен, а столик с грязью, так уж и быть, никто нас есть не заставляет. Задумались. А пока шел бурный мыслительный процесс, проснулся пьяный байкер. Огляделся, потянулся и, шмякнув по коленке, заказал себе «рыжую вон ту». И пива.

Основное блюдо пошло в категорический отказ, но жидкость принесли. Мих поржал. Сказал, что мол, судьба. В отместку заказала ему кофе «три в одном», аж два стакана. За молк. А немытая фигня, жажнув мутного напитка, утерла бороденку и пошла, значит, заказ свой исполнять.

Пришел, стоит такой, качается, пузико на край стола пристроил, глазки поросячьи сузил, руки в боки упер – соблаз-

няет, мать его! Не соблазнулась. Пожалела, что рядом нет бутылки с вискарем, послала так.

Чувак не понял. Сказал, что дерзких любит, но стервь манерам надо поучить. Ага, поучил – вмешался Миха. Послал... туда, куда мужчинке по возрасту ходить не стоит. Пузан поржал, сказал, мол, так и быть, брат меньший остается, рыжухе можно раздеваться, а вот третий вон отседова пошел.

Третий в лице Полонского не оценил. Подумал. Посмотрел на принесенный шашлычок. На мясистую лапу байкера, что тот на плечико мое положить изволил... и так ласково предупредил, что дальше лезть не стоит. Что он голодный, злой, да и вообще, устал немного. Я даже поддакнула и лапку этого Делона со своего тела сбросила. А он обиделся, прикиньте? Хвать, меня, значит, за волосы немытыми руками... Ну тут Богдан и выдал. Не, он даже не ругался! Но шампур в лапищу байкера, что на столике лежала, вошел на удивление легко. А вой стоя-я-я-ял...

Итог: драпали мы дружно. Поесть, конечно, не поели, зато согрелись чудно!

Набегались. Но пешим шагом топать стали километра через два.

К тому времени стемнело и моя требующая сатисфакции алчная душонка захотела, значит, на колесо обозрения забраться и округу, да во мраке осмотреть. Надувшийся Лександрыч позиции свои сдавать не собирался, а потому, стоило засесть в открытую кабинку, мне тут же выдали морожен-

ку, рядом с Богданом усадили и бурный романтик на камеру изобразить велели!

Ну, сижу, азартно жую на холоде клубничный рожок, в несознанку ушла, под дуру романтишную косить не собираюсь. Фигушки. На самый верх поднялись, глаза вбок кошу – блондин так медленно-медленно наклоняется, губами щеки моей касается, языком капельку джема слизывает... Вздрогнув, колесо напрочь останавливается!

С перепугу подпрыгиваю и щедро обмазываю мороженой весь нос Богдана. Тот ржет, притворно сокрушаясь, что вся романтика насмарку. Сердито шлепнула его по голове пачкой влажных салфеток, и полезла смотреть, что же там внизу такое приключилось. Посмотрела. А еще оценила, испугалась, завизжала и запрыгнула на колени к Полонскому с его немойтой моськой. В шею вцепилась, зубами клацнула, к груди прижалась – сижу, значит, трясусь... Тот оттерся, посмеялся, трусихой обозвал, скинул меня на сидение и полез смотреть сам...

Итог: до конца поездки тряслись мы оба. В обнимку. На полу!

А Миха ржал... ну кто бы сомневался!

Спустились, замерзли, решили перебраться поближе к народу, да найти чего-нибудь согревающего и желательно без градуса. Не нашли – застряли нафиг на центральной улице города. Михась, значит, неоновые вывески на камеру снимает, девчонкам прохожим подмигивает, а мне вдруг скучно

стало так... Узрела памятник Сергеевичу, который Пушкин Александр, полезла, значит, фоткаться. Залезла. Пристроилась на пузе на цилиндре на буйных кудряшках поэта, болтая ногами в воздухе, Михей послушно щелкун. Слезать стала – холодные ладошки с гадкими, непослушными пальцами с бронзовой статуи соскользнули. Навернулась. Богдан поймал. Переглянулись. Хором вздохнули и решили помянуть безвременно почивший, разбитый об брусчатку мобильник Полонского в ближайшей кофейне.

Итог: Лександрыч признал, что с нами весело, но на самом деле мы придурки еще те. И сознавшись, что еще одна кружка кофейку у него булькать будет на уровне ушей, отчалил до хаты. Досыпать.

Кофейню мы все-таки нашли. Заказали фруктовый глинтвейн, посетовали на соседку, пропускающего такую вкуснятину, решили заесть горечь разлуки чизкейком. Не поделили вкусняшку, обиделись, почти передрались... Мирились сладким пудингом. Официантка строила глазки Богдану, я в отместку – бармену.

Итог: тихо хихикая, смотрели, как ругаются бармен с официанткой, на проверку оказавшиеся невестой с женихом. Смущенно ойкнули, сыпанули чаевых, забацали селфи, и тактично удалились.

Зашли в первый попавшийся салон связи, попали перед самым закрытием, довели до заикания продавщиц, но по мобилке себе выбрали. Дружище мой героя строил, оплатить

мой смартфон пытался, по макушке светловолосой получил и успокоился. Надулся. Мирились креативно: на моих ключах повис бордовый мишка с шипами на пузе, а на мобилке Богдана его темнейшее Дарт Вейдер, формата очень-очень мини.

– А почему он? – недоуменно спросил Богдан, тыкая в игрушку пальцем и смотря как ручки-ножки-голова трясутся отдельно от своего несчастного владельца.

– Переходи на сторону зла, – тихо хрюкнула я. – Там есть печеньки!

Полонский опять ничего не понял, но с умным видом покивал. На том и порешили.

Уже поздним вечером, почти что ночью, лежа в теплой, уютной постельке, зная, что лично доставленная мною машина стоит на парковке, и слыша, как в волосах устраивается на ночлег моя Ни-Ни, я осознала очередных две вещи.

Первая: я ни разу не вспомнила о произошедшем за последние несколько часов. Более того, теперь события в бассейне казались до ужаса смешными, смазанными и вообще неправдоподобными.

И второе... Я внезапно пожалела, что с Богданом у меня исключительно френдзона.

Очень пожалела.

И, что самое обидное, я даже не знала, почему вдруг на самом деле стала об этом жалеть. Ну не из-за того же, что он меня спас, на личное пространство не претендовал, некую

мою тайну узнал, еще и дух мой бунтарский поднял!

Или же все-таки именно из-за этого?

Как знать.

ГЛАВА 4.

– Вай-вай-вай, какие люди, – язвительно отозвался сидящий на багажнике своей машины Липницкий, едва Демьян вышел из припаркованного авто. – Блатным всегда солнце светит?

– Очень смешно, – хмыкнул Исаев, с хлопком закрывая дверь. Прислонившись к ней спиной, он щелкнул брелком сигнализации и, не выдержав ироничный и любопытствующий взгляд Полонского, раздраженно сдернул с носа солнцезащитные очки, которые были на нем, не смотря на пасмурное небо. – Ладно, доволен?

Богдан присвистнул. А красиво Липницкий нечестивца отделал, что ни говори...

– Сам виноват, – спокойно пожал плечами Игорь, ни капли не стыдившийся своего поступка.

– Это я уже понял, – махнул рукой Демьян, потянувшись рукой к карману в поисках сигарет. И ругнулся сквозь зубы, сморщившись от боли.

– Дем, я тебе только по лицу съездил, – недоуменно выгнул брови Игорек, глядя как шатен приложил руку к животу сбоку, там, где ориентировочно находилась печень.

– Ты – да, – мрачно усмехнулся Исаев, все-таки закуривая. Липницкий недоуменно посмотрел на Полонского. Тот

нахмурился, отрицательно качнул головой.

И тогда до Игоря дошло:

– Громов!

Исаев кисло улыбнулся. Именно. Глупо было бы считать, что такой человек, как Кирилл Громов, оставит подобное происшествие без ответа. И еще глупее было бы предполагать, что он о нем вообще ничего не узнает!

И все-таки, когда в тот вечер, после случая в бассейне, внизу раздался какой-то шум, Демьян невольно насторожился. Отец давно уже должен был приехать в аэропорт, а кроме самого Исаева-младшего, да нескольких человек прислуги, в их небольшом особняке за чертой города никого быть было не должно. Недоумевая, что могло произойти, Демьян покинул свою комнату, вышел в коридор и остановился возле самой лестницы, откровенно охреневая над ситуацией.

Вся его охрана в количестве семи человек лежала в большом холле, неэтично уткнувшись лицами в пол, прижимаемая сверху людьми в камуфляже и черных масках, без каких либо привычных опознавательных знаков.

Ни ФСБ, ни ОМОН, ни даже СОБР к данному инциденту не имели никакого отношения.

Истинный зачинщик веселого маски-шоу появился пару секунд спустя, со спокойным и равнодушным лицом перешагнув через начальника охраны, валяющегося у самого порога.

– Доброй ночи, Кирилл Станиславович, – меланхолично

поздоровался стоящий на втором этаже Исаев.

В том, что он крупно попал, он понял еще до того как мужчина, подняв голову, просто молча усмехнулся.

Сунув руки в карманы домашних спортивных штанов, Демьян спустился по лестнице. Он не сомневался, по чью именно душу явился Громов, как и не лелеял надежды уйти от ответственности. Да и бежать сейчас было бы откровенно глупо и совершенно по-детски.

Хватит, наребячился уже.

За свои поступки Исаев привык отвечать.

Надо отдать должное мужчине, он не стал размениваться на долгие разговоры и чтение моралей. Нет, у него был свой, совершенно иной подход!

Стоило только Демьяну поравняться с Громовым, как парень согнулся от удара под дых. А пока судорожно хватал ртом воздух, Кирилл ухватил его за плечо, наклонился, надавливая пальцами под ключицу, и спокойно произнес:

– Значит так. Я не будет объяснять, где и в чем конкретно ты был не прав. Мальчик ты не глупый, наверняка, уже сам все прекрасно осознал. Ты лучше других знаешь, что второй раз я не предупреждаю... И если ты хоть раз еще обидишь ее словом или делом, я просто оторву тебе голову, не взирая на твои деньги, статус, регалии и то, что я работаю на твоего отца. Это понятно?

– Вполне, – хрипло отозвался Исаев, чувствуя, как от боли перед глазами прыгают разноцветные пятна.

– Чудно, – откликнулся Громов и стальная хватка, фактически выламывающая ключицу, исчезла. Демьян с трудом сдержался, чтобы не отшатнуться, когда мужчина, невозмутимо похлопав его по плечу, направился обратно к распахнутой входной двери.

– А, и еще, Дем, – остановившись, Громов бросил через плечо. – Пора бы уже повзрослеть. Рыж слюнявых мальчишек не любит. Соверши уже, наконец, хоть один мужской поступок.

– Например? – криво усмехнулся Исаев, зажимая горевшее огнем плечо.

– Начни хотя бы с извинений, – улыбнулся мужчина и, сунув руки в карман дорогого коричневого пальто, шагнул за порог. А спустя две минуты спокойно и беззвучно отступили его люди. Даже дверь за собой тактично прикрыли.

О том, что произошло, напоминала лишь охрана, стонущая на полу, да адская боль в ключице и районе печени.

– Где она? – отстраняясь от воспоминаний, дернул Исаев здоровым плечом, глядев парковку. Знакомая черная «Тойота» стояла на привычном месте, значит, рыжая была в универе. Однако бегать по всему студенческому городку в поисках девушки не было ни желания, ни возможности – он просто не знал, в какой именно группе она учится. А значит, расписание занятий в данном конкретном случае ему бы никак не помогло.

– Ему Громов последние мозги отбил, что ли? – посмотр-

рев на озадаченного Полонского, ошеломленно произнес Игорек и нахмурился. – Дем, не надоело, нет? Опять мстить собрался?

– Игорь, просто скажи, где Солнцева, – мрачно процедил Исаев, вынужденный упрашивать сокурсников о подобных вещах. Вчера он не был в универе – сначала отходил от визита Громова, а потом был вынужден оправдываться перед отцом, которому позвонила перепуганная домработница с криками, что его сына тут убивают. Исаев-старший, конечно, заподозрил связь в случившемся с внезапной просьбой начальника охраны отложить полет, но кажется, Демьяну при личной встрече удалось переубедить его в обратном. Но время было упущено.

– А зачем тебе она? – холодно поинтересовался Богдан, раскуривая привычную ароматизированную сигарету.

– Извиниться хочу, – поморщившись, признался Демьян. Липницкий с Полонским закашлялись одновременно!

– Смотри-ка, а Громов-то, оказывается, чудеса творить умеет! – уважительно протянул Игорек, доставая из кармана телефон. Однако набирать номер не торопился, просто прокрутил смартфон в пальцах. – Или горбатого все-таки только могила исправит, и ты нам сейчас красиво лапшу на уши вешать пытаешься?

– Игорь, хватит, – шатен устало провел пальцами по волосам. – Я не собираюсь ей мстить. Я накосячил, я это осознал, и я просто хочу извиниться. Не веришь – твои проблемы.

– Вот даже как, – задумчиво постучал пальцами по подбородку Липницкий и, усмехнувшись, поинтересовался у якобы равнодушного Полонского. – Ну что, дадим последний шанс?

– Если только разговор будет проходить подальше от бассейна, – насмешливо откликнулся Богдан, туша окурок под подошвой ботинка.

Исаев скрипнул зубами, но промолчал. Полонский знал, куда бить, да только Демьяну на этот раз крыть было нечем.

– Лёль? Привет, моя, – тем временем Игорек-таки взялся за телефонный звонок, как и всегда неволью расплываясь в улыбке, стоило только услышать голос его девушки. – А вы где? Нет, солнышко, я не пил. И даже не похмелялся! Я знаю, что ты в универе и помню, что мы сегодня уже виделись. Я спрашиваю, в каком именно ты корпусе?.. Ага, понял. А чудище рядом? Угу. Ну, ждите гостя с извинениями... Да-да, того самого! Не, не кирпич на голову, кое-кто покруче... Ага, я знал, что ты догадаешься. Ладно, жду после занятий.

– Эконом.фак, второй этаж, двести первая аудитории, рыжая в плохом настроении, – крутанув мобильник, усмехнулся Липницкий и спрыгнул с машины. – Рискнешь?

– Если успеешь, – насмешливо добавил Полонский, мельком взглянув на спортивные часы на запястье. Одновременно со стороны корпуса, занимаемого экономистами, раздался звонок, возвещающий о начале второго занятия.

Круто развернувшись на пятках, Исаев направился в ту-

да, не обращая внимания на посмеивающихся друзей. У них пара должны была начаться совершенно в другой стороне. Однако Демьян, в отличие от Игоря и Богдана, сегодня снова собирался прогулять.

К его счастью, на втором этаже все еще было шумно – преподаватель задержался, и нужная ему группа как раз только заходила в кабинет. Увидев парня, Алена невольно нахмурилась, но махнула рукой в сторону окна, возле которого, подпирая стенку, стояла его хмурая рыжая беда.

Не глядя на него, девушка оттолкнулась и хотела последовать в кабинет за остальными, но Исаев остановил ее, уперев вытянутую руку в стену, просто-напросто перегородив дорогу.

– Нехристь, чего тебе надо? – вздохнув, Солнцева подняла голову, и устало попросила. – Исчезни, а? Хотя бы на сегодня.

– Ань, я... – начал вдруг Демьян, но осекся, рассмотрев лицо девушки.

Он лично своими глазами видел, как ее откачал Полонский, но, не смотря на то, что события в бассейне произошли аж позавчера, выглядела сейчас рыжая как самый настоящий утопленник! Землисто-бледная кожа, слишком яркие веснушки, черные круги под глазами, посиневшие губы и осунувшееся лицо. Нет, она и раньше после суток на мойке красотой не блистала, но чтобы до такой степени...

Исаев отбитой печенью чувал – что-то произошло.

– Высказался? – хмыкнула Аня, поправляя лямки рюкзака. Отпихнув ладонями его руку, она сделал шаг в сторону кабинета. – Содержательно. А теперь дай пройти!

– Да подожди ты! – сбросив оцепенение, Исаев вернул Солнцева в изначальное положение, но на сей раз уперся ладонями в стену уже по обе стороны лица, но не как акт агрессии со своей стороны. Он просто понимал, что иначе девушка уйдет и слушать его не станет. Он даже шагнул вперед, оставляя меньше места для маневра, правда случайно наступил Ане на ногу...

И он не никак не ожидал, что Солнцева вдруг вскрикнет, ее лицо исказит гримаса боли, из глаз ее хлынут самые настоящие слезы, и она просто сползет по стенке на пол!

Какого... хрена? Сейчас-то он что натворить умудрился?!

– А-а-ань, – с толикой паники протянул Исаев, смотря как сидящая на полу Солнцева роняет слезы, закусив губу, ногтями царапая по полу. При этом девушка заметно дрожала, но говорить она, кажется, ничего не собиралась. Впрочем, о том, что кое-кто сейчас пытается не зареветь в голос от боли, а не растрогавшись его поступком, Демьян вполне догадался и сам!

Быстро прокрутил в голове последние события, машинально перевел взгляд на ноги девушки... и выругался вслух.

На легких не по погоде, тонких белых кедах быстро расплывалось кроваво-красное пятно!

– Бл*ть! – коротко, но емко высказался Исаев и, опустив-

шись на одно колено, принялся аккуратно расшнуровывать обувь. Солнцева попыталась было отдернуть ногу, но парень, рыкнув, придержал ее за лодыжку. – Сиди и не дергайся!

Та замерла. Вытянув шнурок, Демьян как можно осторожнее снял обувь с правой ноги, стянул окровавленный, некогда белый носок... и почувствовал, как его тряхнуло. На пальцах девушки не было кожи. Вот просто не было! Не пострадал, вроде, только мизинец, но в остальном казалось, будто кожу вместе с мясом просто срезали чем-то острым!

На всякий случай Исаев разул и вторую ногу, и она, к счастью, оказалась невредимой.

– У меня только два вопроса, – сжав зубы, медленно процедил парень, тщетно пытаясь взять себя в руки. Он чувствовал, как его трясет от ярости. Вот так вот неожиданно, но конкретно трясет!

– Как и нафига? – вытирая слезы тыльной стороной ладони, шмыгнув носом, попыталась хихикнуть рыжая. Исаев юмор не оценил.

– Нет, бл*! – рявкнул Демьян и, поднявшись, со злости зашвырнул испорченную обувь вместе с носками в ближайшую мусорку. – Кто и какого хрена ты до сих пор не в больнице?!

– Производственная травма, – хмыкнула в ответ Солнцева и снова шмыгнула носом. – Потому и не в больнице.

У Исаева просто слов не нашлось. Во же... оторва рыжая!

Чудище глупое! Девчонка ненормальная! Ду...

А вот тут пришлось мысленно заткнуться, потому как зайти в своих фантазиях парень мог очень далеко и крайне нецензурно. И не факт, что сдержался бы и не высказал все это вслух!

Чертыхнувшись, парень наклонился и, просунув одну руку под лямки рюкзака, вторую под колени и, не обращая внимания на возмущенный писк, поднял Солнцева на руки. Девушка таким положением вещей вряд ли осталась довольна, да только на сей раз ее уж точно никто не спрашивал! Но и промолчать, естественно, оказалось выше ее сил.

– В бассейн понес? – ехидно поинтересовалась его постоянная ходячая головная боль, складывая руки на груди. Точнее уже не совсем ходячая, но исправно наживающая себе неприятности на энное место!

– Замолчи, – сжав зубы, резко откликнулся Демьян, спускаясь по ступенькам. – Сейчас я как никогда близок, чтобы тебя натурально придушить. И поверь, на этот раз меня оправдают абсолютно все твои друзья, в том числе и Громов!

Рыжая покорно умолкла. И даже обняла его за шею.

Вот... не была бы ситуация такой патовой, Исаев бы даже порадовался!

А пока, все, что ему оставалось, это донести Солнцева до своей машины и отвезти в больницу, отчаянно пытаясь по дороге не прибить ее за самоуправство, безалаберность и наплевательское отношение к собственному здоровью! И в

этот раз он даже не опасался ее родственника, уже тонко намекнувшего, что он сделает с парнем, если с ее головы упадет хотя бы волос.

Сказать по правде, о предупреждении Кирилла он сейчас вспоминал меньше всего. Его куда более заботило состояние бледной Ани, сидящей на заднем сидении, вытянувшей бо-сье ноги.

– Когда? – немного остыв, спросил парень, остановившись на запрещающем сигнале светофора и посмотрев в зеркало заднего вида.

– Ночью, – вздохнув, призналась-таки Солнцева, доставая из кармана сигареты и опуская стекло. – Решила коврик постирать. Резиновых сапог подходящего размера для моих лапок не нашлось, напялила шлепанцы. А в процессе, как говорится, писец подкрался незаметно. В прямом смысле. Ну и... постирала, как видишь.

– И что же за писец такой слишком умный? – усмехнулся парень тоном, не предвещающим ничего хорошего. И рыжая это поняла. Наверняка, потому и предпочла тактично обойти острую тему:

– Да просто поздний клиент. Заехал в бокс позади меня и посигналил. Ну, я и подпрыгнула от неожиданности, а отбойник по ноге.

– Я даже где-то верю, – насмешливо протянул в ответ Ис-аев.

А для себя отметил найти этого умника и объяснить, в

чем конкретно тот был не прав.

О том, что еще не так давно он сам совершил куда худшую... оплошность, парень старался не думать. В конце концов, для того, чтобы извлечь урок из собственных ошибок, мозгов у него всегда хватало.

Припарковавшись у хорошей частной клиники, Демьян, не слушая возражений Солнцевой, отнес ее в помещение, где и сдал под опеку знакомому врачу, с которым успел связаться по дороге, коротко обрисовав ситуацию. Осмотрев рану хмурой девушки, молодой мужчина присвистнул, позвал медсестру с коляской и отправил вечную катастрофу на рентген, а Исаева попросил подождать в коридоре.

Вышел из кабинета минут через сорок, вытирая руки одноразовым полотенцем и чему-то усмехаясь.

– Ну, забирай свою звезду, – качая головой, улыбнулся врач, который, к слову, выглядел ровесником Демьяна, но был на десять лет старше. – Жить будет, и, судя по характеру, скорое всего недолго, но весело.

– Ругалась? – догадался парень, поднимаясь с удобной мягкой скамеечки. – Надеюсь, хоть не матом?

– Оу, что ты! – хохотнул врач. – Вполне культурно и местами даже забавно. Медсестра, конечно, шокировалась, но мой аспирант остался в восторге. Даже номерок ее спросил. Лично мне особо приглянулась фраза про священный градусник и пресвятую целительную клизму. Где ты ее откопал?

– Клизму? – иронично вскинул брови Исаев.

– И ее тоже! – расхохотался медик. И насмешливо поинтересовался, – Это, как я понимаю, заразно?

– Более чем, – хмыкнул Демьян, суну руки в карманы брюк. – И с лечением не поможешь даже ты. Спасибо, Глеб, выручил. Сколько я тебе должен?

– Сочтемся, – махнул рукой врач по имени Глеб и, вытащив из нагрудного кармана белоснежного халата бумажку, протянул его парню. – Возьми рецепт. Я там все расписал, как, когда и чем обрабатывать. Кости и суставы не задеты, рана хоть неприятная, но неглубокая, а кожа – дело наживное. Недельку похромает, через две уже бегать будет.

– Наивный ты, Глеб, – хмыкнул Исаев, машинально покосившись на закрытую дверь кабинета. – Она уже завтра на работу поскачет.

– А вот это бы я искренне не советовал, – мигом нахмурился медик, проведя ладонью по короткому ежику темных волос. – У нее общее истощение организма видно невооруженным глазом. Так что пару дней хорошего отдыха, полноценный сон и никакой нагрузки на ногу. И алкоголя. А потом пускай ковыляет потихоньку, но без энтузиазма.

– Боюсь для этого мне понадобится пристегнуть ее к батарее, – саркастично отозвался Демьян, понимая, что на сей раз даже не лукавит. Ибо его ненаглядную оторву сможет остановить только ударная доза успокоительного вместе со снотворным. И то не факт, что она во сне что-нибудь не отчебучит!

– Наручники дать? – почти серьезно поинтересовался Глеб, но в его зеленых глазах плясали чертики.

– Обойдусь, – хмыкнул парень, протягивая руку. – Спасибо еще раз.

Обращайся, – ответил рукопожатием мужчина и удалился, заложив ручку за ухо и насвистывая что-то веселое себе под нос.

Помассировав переносицу, Исаев толкнул дверь в процедурную, где на кушетке заканчивали перевязку рыжей неприятности, пребывающей в самом дурном расположении духа. Она зорко бдила за действиями медсестры, скрестив руки под грудью, но хоть перестала выглядеть как оживший труп.

Уже хоть что-то.

– Жить буду? – хмуро спросила заметившая его появление Солнцева, не отрывая взгляда от явно обиженной на что-то медсестры, которая явно торопилась закончить такое неблагодарное дело, как обработку раны не в меру ехидного создания. Нет, Аня хамила редко... и исключительно в тех случаях, когда ее умудрялись откровенно довести!

Исаев даже не сомневался, что за то время, пока он был в коридоре, маленькая нахалка снова умудрилась во что-то вляпаться.

Нет, она уже не оторва. Она просто какая-то одна сплошная беда!

– Недолго, но весело, – усмехнулся Исаев и, дождавшись

пока отойдет поджигающая губы медсестра вместе со своей тележкой, подошел ближе, протягивая ей листок с рецептом. – Держи. Здесь описано, как, чем и сколько обрабатывать.

– Спасибо, – хмуро проговорила Аня и спросила, поднимая голову. – Сколько я тебе должна?

– Пять тысяч баксов и виллу на Канарах, – не удержался Демьян от ехидства. Но заметив недовольный взгляд, добавил уже куда спокойнее, попутно поднимая девушку на руки. – Рыж, успокойся. Никто никому ничего не должен.

– Ага, а там по коридору розовые единороги бегают! – ядовито отозвалась эта... эхидна, привычно складывая руки на груди. – Не смешно, Исаев. Халявы не существует.

Парень решил промолчать. Ну, так, ради разнообразия!

Пикироваться сейчас, а тем более выяснять отношения при свидетелях ему не хотелось абсолютно. Но Солнцева была мрачнее грозовой тучи и явно ждала от него ответа. И потому, как только они оказались на парковке, Демьян поставил ногу на подожку своего авто и, усадив на нее рыжую, прояснил ситуацию, доставая ключи:

– Ань, угомонись. В свое время я помог Глебу с открытием клиники, теперь он иногда выручает меня. Помощь тебе ничего не стоила ни мне, ни ему. Еще вопросы есть?

– А... – открыла было рот Солнцева, но Исаев ее перебил, поднося к открытой двери автомобиля:

– Вот и чудненько!

И просто сгрузив ее на заднее сидение, захлопнул дверь.

Иногда по-другому с этим выносимым созданием разговаривать просто не стоило!

Девушка дулась всю дорогу до ее дома. Прекрасно помня ее красочный рассказ о получении жилья в «Росах», а так же памятуя, где проживал бывший одноклассник, Демьян довез Аню прямо до дома, благо ключи у той оказались в кармане тонкой меховой жилетки. И только сейчас парень сообразил, что девушка все это время находилась босиком, а октябрь погодой пока не слишком радовал.

Однако лезть и проверять, насколько заledenели ее ступни, Исаев не стал, а просто припарковался фактически у самого подъезда. Подъем на пятый этаж особой проблемой не стал, и уже через пять минут Аня соскользнула с его рук на порог квартиры... и замерла, стоя на одной ноге.

Демьян удивленно вскинул брови – вроде на чай он напрашиваться не собирался. Да и стоило ли ожидать подобного от рыжей? Нет, чашку-то она, может и предложит, но исключительно об его голову. А если чай, то с цианидом... Ну или что там у нее еще в запасе окажется?

– Ты... – смущенно протянула Солнцева. Но не успел Исаев удивиться, как она сердито одернула жилетку и замолчала.

– Спасибо? – подсказал Демьян, пытаясь сдержать смех. Уж слишком забавно выглядела оторва всяя универа, пытающаяся выдать слова благодарности в адрес ненавистного

нечестивца.

– Типа того, – вздохнула Аня. И даже улыбнулась. Сму-
щенно!

– Не за что, – как можно невозмутимее отозвался парень
и, пожав плечами, развернулся к лестнице, бросив напоследок
через плечо. – Постарайся отдохнуть.

– Угу, – шокировано протянула рыжая, которая, по вей
видимости, ожидала от него чего-то больше. Но лишь ока-
завшись на улице, Демьян закурил и усмехнулся, разгляды-
вая небольшой аккуратный дом, в котором всего две кварти-
ры занимали целый этаж. Всего десять жилых помещений,
зато каких...

Аня зря думала, что он прямо сейчас полезет к ней с из-
винениями. Или попытается выменять свою помощь на ее
прощение за случай в бассейне. Или сделает еще что-нибудь,
что она там себе успела напридумать.

Как будто он просто так помочь не может.

Если он нехристь, то не человек, что ли?

Возвращаясь домой, проезжая мимо торгового центра,
Исаев неожиданно кое о чем вспомнил и поспешил пере-
строиться в другой ряд. Минуты не прошло, как он уже ока-
зался на парковке, а спустя какой-то час снова у дома Солн-
цевой. На сей раз с ключами вышел промах, и машину при-
шлось оставить у шлагбаума на въезде в жилой комплекс.
Впрочем, данный факт парня не особо расстроил, да и узнав-
шая его консьержка охотно пропустила в подъезд.

Снова поднявшись на пятый этаж, шатен уверенно нажал кнопку дверного звонка, не давая себе времени передумать. Послышалась приятная мелодия, затем звук почему-то тяжелых шагов, щелкнул открываемый замок...

И дверь ему открыло приведение.

– Какая... прелесть, – не сразу подобрав подходящее слово, ухмыльнулся парень, оглядывая своего друга, лицо и черная майка которого были перепачканы в чем-то белом, до жути похожим на обычную муку.

– Смешно, да? – одарил его убийственным взглядом Игорьек, а из нутра квартиры послышалось громкое и веселое:

– Липницкий, если ты все-таки заказал пиццу, то скажи курьеру, что доставленное он сейчас будет лично лопать вместе с коробкой!

– Как хорошо, что мне не нужно подрабатывать, – иронично заметил Исаев.

– Можно я ее придушу? – в ответ с надеждой поинтересовался Игорьь. Но посторонился, пропуская друга внутрь, и закрыл за ним дверь.

– Искренне не советую, у Громова тяжелая рука, – то ли шутя, то ли серьезно отозвался Демьян, пристраивая бумажный пакет на обувной тумбочке. Скинув туфли, он прошел по длинному коридору, отделенному от основной комнаты одним сплошным длинным аквариумом, и оказался на небольшой уютной и современной кухне, где обычный обеденный стол заменяла барная стойка из вишневого дерева.

За ним, по ту сторону, на высоком стуле гордо восседала рыжая краса в забавной пижаме мятного цвета с медвежатами, болтая перебинтованной ногой в воздухе. И похоже, девушка, не смотря на бледное лицо, пребывала в самом прекрасном расположении духа!

По крайней мере, при виде Исаева ее даже не перекосило. Какой прогресс, однако!

– Привет спасителям! – весело проговорила Солнцева, отсалютовав ему черной дымчатой кружкой. И не успел парень удивиться, как она добавила уже в своем привычном ехидном тоне. – Никак передумал, и баксы решил-таки забрать?

– Только вместе с виллой, – в тон ей отозвался Демьян, замирая на пороге, сунув руки в карман брюк и улыбаясь. И с такой стратегией поведения он на сей раз не прогадал!

– Заче-е-ет! – с толикой восхищения протянула рыжая, и уже спокойно кивнула на свободный стул с его стороны. – Ну, падай, коль пришел. Цирк давно смотрел?

– В прошлом году в Монако, – пожал плечами Исаев. Солнцева поперхнулась соком:

– Ну да, нашла, у кого поинтересоваться... И фиг с ним, впрочем. Такого, как здесь, ты все равно нигде не увидишь! Эльфенок, душа моя, ты где там потерялся?

– Это несносное... Это невыносимое... Это гадкое рыжее чудище пытается научить нас готовить! – в дверях нарисовался уже относительно чистый Липницкий, стряхивая капли воды с растянутой черной майки.

– Нас? – выгнул брови Исаев, оглядывая чистую кухню. Точнее местами чистую. Очень местами! Видно было, что совсем недавно ее как следует засыпали мукой, а убирали последствия явно на скорую руку. Или же очень неумело.

– Нас, – услышался тяжелый вздох, и под руку Игоря нырнула Аленка, сжимающая в руке совок и веник. Пристроив нехитрый инвентарь за холодильником в углу, девушка кивнула. – Привет еще раз.

– Ну что, продолжим, братцы-кролики? – не скрывая удовлетворения, потерла ладошки рыжая беда, с энтузиазмом сумасшедшего ученого оглядывая своих подопечных. Ну или подопытных, тут уж кому как повезет.

Впрочем, те ее радости не разделяли, вне зависимости от присвоенного им звания.

– Нет, мну не понял, – наигранно грозно посмотрела на них Солнцева. – Вы ко мне в гости завалились? Завалились. Есть захотели? Захотели. Эльфенок пиццу попросил? Попросил. Вот теперь готовьте! Я, конечно, гостеприимный хозяин... Но сегодня я этот, как его... Инвалид и у меня ножка болит!

– Так не проще заказать? – спросил Демьян, на миг забыв о том, что девушка обещала сделать с курьером. Благо, на его оплошность рыжая внимания не обратила.

– Я ей тоже самое сказала, – улыбулась Лёля, опираясь спиной на грудь Игорька. Парень в ответ обнял ее и аккуратно пристроил подбородок на ее макушке.

– Э, нет, товарищи, – фыркнула Солнцева. – Кое-кто у нас по домашней еде фанатеет, а тебе, Лёль, этого троглодита всю жизнь еще кормить. Ну, или сколько там времени пройдет, прежде чем он скончается от обжорства, а ты от вечной возни на кухне? Так что... жалобы есть? Жалоб больше нет. Отлично!

Однако жалобы нашлись и пришли они совершенно с неожиданной стороны. Через стенку, не смотря на хорошую звукоизоляцию, вдруг раздался грохот, звон посуды и приглушенный голос, явно нецензурно ругающийся.

Солнцева удивленно моргнула, прислушиваясь. Сползая со стула, она на одной ноге допрыгала до подоконника, распахнула окно, высунулась в него и весело и громко поинтересовалась:

– Мих, ты там как?

В ответ послышался еще больший грохот, шум, очередной звон чего-то разбиваемого и отборный трехэтажный мат.

– Ладно, зададим вопрос по-другому, – почесала нос Аня и снова высунулась в окно. – Мих, если ты там случайно помер, мне звонить Харлею, или поминки своими силами обстряпаем?

Ответ пришел в виде трели телефонного звонка. Хихикнув, рыжая подняла рубку:

– Да, Махась! Ты опять шкаф с посудой уронил? А-а-а, он сам? Вот так вот взял и сам упал? Не-не, я верю, что ты! Раз в месяц он у тебя падает, но я все равно верю в случайность

произошедшего. Неа. Нет. Нет, говорю, придется тебе самому убирать Эверест из осколков, я нынче не транспортабельна. Ага, на работе. Да нет, ерунда, жить буду, но сегодня на работу не жди. А я откуда знаю, кто тебе поможет бардак ликвидировать? Ну, позвони Арине, она всегда не против лишней работенки. Ага, той самой. Она добро даст, я уверена. Всё, давай, до связи!

– Чудо в перьях, – отбросив трубку, беззлобно фыркнула Солнцева и перевела взгляд на ожидающую ее публику. – И чего стоим, собственно, стоим, кого ждем? Пицца сама по себе не приготовится и в духовку не запрыгнет! Игорь, прошу вас-таки закинуть ингредиенты для теста в хлебопечку в установленном нами ранее порядке. И если ты еще раз попробуешь просто перевернуть пакет с мукой вверх дном и все это добро ухнет во все стороны, я сама тебя в эту маленькую машинку засуну. Да-да, будешь у нас большим эльфийским пирожком... Лёль, давай список. Работаем!

Что-то, а командовать университетская оторва действительно умела. И получаса не прошло, хлебопечка исправно месила тесто, Алена с Игорем пошли до магазина, а Исаев с Солнцевой остались одни.

– Покурим? – вытащив из кармана сигареты, внес предложения парень, заметив, что молчание стало затягиваться.

– А почему бы и нет? – пожала плечами девушка, снова аккуратно соскальзывая с табуретки. Мысленно усмехнувшись, Демьян подошел и легко поднял ее на руки. И на этот

раз Солнцева даже не пискнула!

– Поработаешь навигатором? – насмешливо поинтересовался Исаев, останавливаясь в коридоре, не зная, куда именно ему нужно идти.

– Вообще-то у меня топографический кретинизм, – неожиданно хихикнула Анька. – То бишь заблужусь в трех соснах и с картой.

– Тогда будем импровизировать, – невозмутимо пожал плечами Исаев и направился в сторону виднеющейся на той стороне комнаты двери. Не ошибся – за ней обнаружилась спальня с огромным балконом.

Уже на нем Солнцева слезла с его рук и, сунув ноги в теплые тапочки в виде когтистых лап, закурила, ежась от холода. Мельком оглядев просторный двор с детской площадкой и небольшим сквером, шатен стащил с плеч жилетку на синтепоне и накинул ее на плечи мерзнувшей рыжей.

Просто так, без задней мысли.

Его ум и сознание сейчас будоражили совсем иные вещи: тишина, замкнутое пространство, они с оторвочкой одни...

Кажется, поговорить им все-таки удастся.

ГЛАВА 5.

Почесав нос, моя покалеченная чутка светлость смотрела на самую сюрреалистическую картинку из всех возможных в этом бренном мире.

То есть на мою «любимую» нехристь, на моем же балконе курящую.

Вот кто б мне сказал об этом месяц назад – вот долго бы в истерике билась, правда! А тут нет. Стою. Курю. Думаю.

Молчание затягивалось. Сигарета тоже, а стоять на одной ноге откровенно надоело. Я шагнула назад, желая сесть на табуретку... И чуть не навернулась нафиг, запнувшись обо что-то большое, твердое и в белый полиэтилен закутанное.

– Это что за хрень? – округлила глаза, припоминая, что еще позавчера вечером, после шатаний по городу, подобного добра, да еще и в количестве четырех одинаковых штук у меня на балконе отродясь не водилось! Откуда вдруг столь странный подарочек?

Пожав плечами, Исаев оставил сигарету в зубах и, присев рядышком, распутал белый пакет рядом со мной. Под ним вдруг оказалось колесо... Зимнее. Шипованное. С черно-красным литьем. Моего размера!

– Хорошая резина, – прочитав надпись на ободке, отметил парень, щелкнув пальцем по колесу. – Переобуваться собра-

лась?

– Угу, – отозвалась я и хотела в сердцах топнуть ногой. Но в последний момент передумала и ограничилась только сердитым пыхтением. – Ну, Кир, ну зараза... Я же сказала, что сама куплю!

– Такое? – иронично вскинул брови Исаев. – Рыж, не хочу тебя расстраивать, но на эту резину не хватит твой полугодовой зарплаты на мойке, даже если прибавить заработок в клубе. И это не считая литья. Так что родственника стоит поблагодарить за заботу. На этом ты точно не разобьешься в гололед.

Я аж дымом подавилась!

Они издеваются надо мной, что ли?

– Птичка на хвосте принесла? – скептически поинтересовалась, глядя на парня сверху вниз. – Или глюки в голову ударили? Помнится кто-то недавно меня там в греховной связи попрекал... Неужели вон те симпатичные желтые пятнышки с уклоном в синеву на твоём лице заставили тебя передумать? А у Эльфенка-то тяжёлая рука, оказывается...

– Ань, – насмешливо заметил парень, поднимаясь. Ну, так, типа между прочим! – Громов привык бить так, чтоб следов не оставалось.

Я аж глазки выпучила от удивления. Когда ж это бомжик мой любимый успел до мозгов нехристи достучаться? Не, меня не удивляет сам факт, в конце концов, Кирилл действительно моих обидчиков не прощал никогда. И я даже не

спрашиваю, откуда он все это узнал, это и ежу понятно.

Но мне сейчас реально интересно, а когда ж он успел-то, если должен был улететь как раз позавчера?

– Сдал, значит? – мрачно спросила, складывая лапки на груди. И тут меня опять шокировали, со смешком затушившая окурок в жестяной банке, что гордо тащила на себе нелегкое звание моей пепельницы:

– Нет.

– Пардонте? – мои брови уверенно полезли к волосам. – По-моему, я туплю слегка от недосыпа. Не объяснишь?

– Несложно догадаться, – пожал плечами стоящий напротив меня Исаев. И усмехнулся. – Кирилл был немногословен, но и я не идиот. Будь он твоим любовником, меня бы куда жестче и вполне открыто попросили держаться подальше от его девушки. А не намекали, как лучше наладить с тобой отношения.

Мои брови в волосы все-таки убежали.

Как там говорили раньше-то в рекламе? Шок – это по-нашему, да? Вот как нельзя лучше сейчас подходит для описания моих чувств и эмоций!

И пока я пребывала в этом самом «шоколадном» состоянии, у меня забрали останки сигареты, затушили, осторожно обняли за талию и на полном серьезе произнесли:

– Ань, прости?

Вау... Таки недолго Сталин сомневался!

– За допрос с пристрастиями в клубе, обвинения во блуде

или попытку меня утопить? – на всякий случай настороженно уточнила, особо не веря в серьезность происходящего.

– За все и сразу, – хмыкнул шатен и осторожно коснулся пальцами моего подбородка, слегка приблизив свое лицо к моему. Ух... красивый, черт. А глазки синие серьезные-серьезные такие. Ну и как тут не простить? Явно же в первый раз в жизни извиняться перед кем-то пришлось. – А за последнее в особенности.

И, значит, поцеловал. Осторожно-осторожно так. Не прижимая к себе, не сокращая расстояния между нашими телами, но со вкусом, типа приятная добавка к извинениям.

Стою. Жду, что дальше будет. Не отвечаю!

Не, целуется он вся так же потрясно, даже когда пробивает почву, так сказать. Но мы-то люди гордые, горьким опытом наученные! Благими намерениями помним, куда дорожка убегает, а посему на слово не верим. Особенно всяким нечестивцам.

Демьян поцелуйчики прекратил. Стоит, значит, большим пальцем мою щеку поглаживает, в глаза мои смотрит – ответа ждет.

Ну я и ответила... Как умела, собственно!

Улыбнулась. Скользнула ладонями вверх по крепкой груди под черной водолазкой, обняла за шею, притянула к себе, заставляя наклониться, и на ухо шепнула:

– Ладно. На первый раз прощаю...

И коленкой в живот так ра-а-аз! Ну, что б больше непо-

вадно было!

По болезненному стону поняла, что перестаралась. Очень! Хотя вроде и била-то несильно...

– Печень, да? – сочувственно спросила, присаживаясь на корточки рядом с согнувшимся Исаевым. На меня в ответ посмотрели так... ласково, явно втайне мечтая придушить. – Ну да, ну да, Кирилла любимый прием. Все никак не освою.

– Да неужели? – ядовито поинтересовался Демьян, с трудом выпрямляясь. – А, по-моему, выходит шикарно!

– Извиняться не буду, – хмыкнула я, засовывая руки в карманы пижамных штанишек. – Заслужил.

– Да понимаю, – вздохнул Исаев и, поморщившись, оперся локтями на перила, вглядываясь в ярко освещенную уже нифига не греющим солнышком детскую площадку во дворе. Помолчал. А потом на полном серьезе предложил. – Давай я тебя плавать научу?

Я чуть глаза на пол не уронила от такого предложения!

– С ума сошел? – натурально покрутила пальцем у виска, глядя на спокойного парня. – Да я теперь к воде ни на шаг не приближусь! Спасибо, хватило, набулькалась. Лучше буду сдавать зачет отмывая бассейн, чем купаться в оном!

– Будем отмывать вместе, – замерев в пол оборота, опираясь одной рукой на перила, усмехнулся Демьян. – Евгеньевич обещал, что я не сдам ему зачет, пока не исправлюсь и хотя бы не научу тебя плавать.

– Воу, воу, воу, полегче! – мгновенно возмутилась

моя светлость, шокированная условием тритона морского с внешностью Аполлона Бельведерского. – Давить на совесть только не надо!

– Ань, я не давлю, – иронично выгнул брови Исаев. – Нет, так нет. Заставлять не буду.

– Попробовал бы еще, – ворчливо отозвалась, закуривая новую сигарету (прогресс – третью за пол дня!). Постояла. Подумала. Поняла, что активно начинаю замерзать... и чертыхнулась. – Ладно. Я обещаю подумать. Но о большем даже не проси!

– И не собирался даже, – покачал головой шатен. И я вдруг поняла – а ведь не врет же!

Ух... а хорошо, видать, ему Кир все-таки по печени настучал-то, раз он так свое отношение поменял. Аль у нехристи в голове все-таки в голове зачатки мозга-то имелись, и он допер до истины раньше, чем кулак моего родственника до его внутреннего органа? Вот прямо до жути интересно...

– И опять мой малыш одиноко кукует в универе, – негромко вздохнула, глядя, как во двор заезжает машина, чем-то похожая на мою, только новее лет так на двадцать. – Надо Лександрыча попросить, чтобы перегнал сюда.

– Зачем? – тут же отозвался Исаев. – Мы с Игорем можем перегнать.

– Э, не, мил человек! – фыркнула я. – Липницкий любитель погонять, а у меня стоит нифиговый двигатель. Но коробка автомат, так что... Нафиг-нафиг! И вообще, свою ма-

шинку я в чьи попало руки не дам! Не обижайся.

– Не обижаюсь, – вполне в духе Кира хмыкнул Демьян и как-то слишком... равнодушно спросил. – Но Полонскому же доверила?

Я аж примолкла на секунду. Так-так-так... умнее с некоторых пор стали, да? Уже столь открыто не ревнуем и не бесимся?

– Ну, во-первых, он моего разрешения не спрашивал, – ответила, решив в кой-то веки не дразнить родненькую нехристь – только какое-то вялое подобие мира начало устаканиваться! – Просто спер ключи, как я подозреваю. А во-вторых, он мой друг и я ему доверяю.

– А не стоило бы, – меланхолично влез парень. – Он не тот, как ты о нем привыкла думать.

– Он вытащил меня из бассейна, в котором я чуть не утонула благодаря тебе, – скептически произнесла, вскидывая брови. – Так кому из вас мне все-таки стоит доверять?

– Туше, – невесело признал Демьян, снова рассматривая пустующую пока площадку.

Тю-ю-ю... Не горюй, нечестивец, кажется я знаю, какую с тебя снискать компенсацию!

– Есть другие способы загладить свою вину, – шагнув вперед, ласково произнесла, придерживая жилетку одной рукой, а вторую положила на его плечо.

– И какие же? – откликнулся Исаев, но весьма неохотно и с долей скепсиса, явно чувствуя будущий подвох. А зря. Я

особой гадости сейчас не замышляла!

– А полей мои цветочки! – радостно и вдохновенно выдала я.

Демьяна конечно же перекосило.

Йес! А вот нечего было маленьких обижать!

Короче, когда полчаса спустя вернулись Алёнка и Игорь, снабженные ключами, а потому открывшие входную дверь без звонка, они были чутка... ну шокированы, что ли?

Хотя вру. Нагло и безбожно!

Я едва удерживалась от того, чтобы сию картину не сфотографировать! Еще бы, такое каждый день не увидишь!

Пижамная монстрятина, в лице меня любимой, на огромном диване в центре комнаты валяющаяся. Высокая стремянка, установленная у стены, звезда университета на ней... невозмутимо поливающая из ярко красной лейки подвешенные в горшках растения.

По-моему, от происходящего в глубоком состоянии обалдения остались даже издававшие виды бедные рыбки в аквариуме!

«Громче» всех возмущалась вечно голодная зубатка, но кто, собственно, ее мнением вообще интересовался? Она два часа назад положенную рыбешку схомячила, так что ее паёк на сегодня был исчерпан.

– А-а-ань, – ошарашено потянул Игорек, переводя взгляд от меня к своему другу. – Это что?

– Ты про что именно? – решила уточнить, лежа на животе

и побалтывая ногами в воздухе. – Внизу стремянка, вверху цветочки. Есть еще пол и потолок, но мне кажется, ты сейчас не о них.

– Я о том, что посередине! – сгрузив не пакет, а пакетище с логотипом местного супермаркета на пол, отозвался Эльфенок и, прислонившись к стенке, ткнул пальцем в сторону шатена, спокойно поливающего мои растения.

– Демьян Александрович Исаев, – тихо прыснула я. – Неужто не знакомы?

Парень завис. На его руке появились женские ладошки, и в зал протиснулась Аленка. Посмотрела на мою довольную рожицу, на нехристь, явно пытающего отобрать у своего вечного конкурента звание первой невозмутимости универа, и догадалась:

– Сатисфакция?

– Компенсация морального вреда, – уточнил улыбающийся парень, с достоинством спускаясь по стремянке. Вот как будто всю жизнь садовником подрабатывал, ей-богу! – От физического она отказалась.

– Даже боюсь спросить, что ты ей такого предложил, – иронично выгнул брови Игорек.

– Пошляк неприличный, – фыркнула я, принимая сидячее положение. – У нас тут перемирие, понимаешь ли, а он нам всю малину портит!

– Именно, – насмешливо подтвердил Исаев, и спокойно так загрузил стремянку на плечо. Утащил ее в дальний угол,

вернулся, подхватил пустую лейку и направился в ванную. Остановился около скеплично настроенного друга и вдруг откровенно наябедничал. – От нового телефона она тже отказалась.

– А я-то уж подумал, – разочарованно фыркнул Липницкий и снова подхватил пакет. – Я б удивился, если она согласилась!

Дальше эти двое ворчали уже на кухне. На моей кухне!

Да-да, на моей кухне бубнят два самых ярых представителя золотой молодежи, обсуждая такую нехорошую меня, разбирая купленные продукты для пиццы, которую сейчас они все вместе будут стряпать под моим чутким и придирчивым руководством...

Что и где умудрилось откровенно сдохнуть? Надо рыбешек в аквариуме пересчитать на всякий случай, что ли...

– Может попросить Игоря тебя отнести? – предложила Аленка, глядя, как я поднимаюсь с дивана, стараясь не наступать на одну ногу. Вторая, признаться честно, слегка побаливала, но уже не так сильно, как раньше. Таки респект целительскому таланту того врача и слава Исаеву, отдавшему меня в его умелые лапки! Хоть какая-то польза от парня есть.

Если признаваться до конца, отправляя его поливать цветы, моя кровожадность, требующая мщения, по большей части хотела поставить наследника крупной корпорации в неловкое положение, а потом подленько над ним и славно

похихикать. Ан нет, такой облом.

Вот умеет же он вывернуться из любой ситуации. Я тоже так хочу!

– Да нет, нормально, – аккуратно поковыляла я в сторону спальни. – Пойдем, дам чего-нибудь переодеться. А то сейчас устряпаешься в хлам.

– Так может лучше не надо? – тоскливо спросила Лёлька, но покорно пошла следом.

– Алэн, тебе еще с Эльфенком жить, – фыркнула я, подбегая к шкафу. – Так что я хоть ехидничаю чутка, но не вру. Игорь любит домашнюю стряпню и, согласишься, будет странно, если женаты будете вы, а кушать он будет у меня! А ты еще будешь мне звонить и интересоваться, «а не голодал ли сегодня мой муженек»? Так что ничего не знаю, иди и учись! И... опа-па. Ну, здравствуй, радость моя, я тебя с утра обыскалась. Бесстыдница! Ты опять да?

На меня виновато взирали черные глазки вечной пропажи по имени Ни-Ни, устроившейся в моем шкафу на полке, где лежали аккуратно сложенные вещи Богдана. Узкие голубые джинсы, синяя безрукавка с кольцами по краю выреза и... симпатичные черные труселя.

И хотя лежали боксеры в самом низу, даже не видя их, но зная о наличии среди моего гардероба, я чувствовала себя неким маньяком-фетешистом!

Хотя в этом звании момонга пока уверенно лидировала и позиции сдавать не собиралась – и часа не проходило, чтобы

она не отпирала клетку и удирала спать в вещи Полонского! И чем они ей так глянулись? Ладно бы запах остался, я б еще поняла... Так нет же, шмотки парня-то оказались здесь сразу после стирки! Мы же тогда город громить утопали, про работающую стиральную машинку сразу и не вспомнили.

И ведь зараза хвостатая лежащую рядом толстовку Липницкого просто игнорировала, хотя та потеплее и помягче будет.

– Что у тебя там? – заинтересовалась Лёля. И пока она не успела заглянуть в шкаф, я торопливо сунула ей в руки отчаянно возражающего против наглой дислокации сахарного опоссума.

Визг стоял... аж стены дрогнули!

Естественно на сей звук мигом прискакали мои временные «домочадцы»... мокрые. Почему-то! И вкусно пахнущие рассолом огуречным.

Та-а-ак... как говорится, ура, товарищи! Пополним скудную коллекцию мужского чистого тряпья!

– Что случилось? – чуть ли ни хором выдали перепугавшиеся парни, глядя то на жмурившуюся Лёльку, то на прыгающую на одной ноге меня, пытающуюся достать из-под верхней части пижамки забившуюся туда вусмерть перепуганную летягу.

– Я даже боюсь предположить, что тут произошло, – многозначительно кося на мои телодвижения, насмешливо протянул Исаев.

Вот же извращенец, а!

– Смешно, да? – кровожадно протянула я, вытаскивая-таки возмущенно пищащую момонгу. И, недолго думая, снова сунула ее под нос Алёнки.

Пронзительный визг повторился на бис!

– Так понятно? – мило уточнила, созерцая бледную подругу и вмиг оглохших парней, прижимая к груди сжавшуюся в моих ладошках Ни-Ни. – Лёль, чего сразу-то не сказала, что грызунов боишься?

– Я же не знала, что у тебя они есть! – смущенно призналась девушка, виновато глядя на своего молодого человека, многозначительно прочищающего уши.

– Ну, это недавнее приобретение, – покаялась, поглаживая дрожащую зверушку. И обратилась к своим «ароматным» друзьям. – И раз с этим благополучно разобрались... У вас-то что там приключилось?

– А разве что-то случилось? – попробовал уйти в глухую несознанку нагло улыбающийся Демьян. Даже с Игорьком переглянулся, мол, подтверди! Тот подтвердил, а я скептически заметила:

– Ага, а легкий флер исходящего от вас аромата, не иначе как «Шанель номер пять», на кой-то черт купленная Эльфенком в подземном переходе. Рассказывайте уже, орлы!

Пернатые братья предпочли тактично промолчать, невозмутимо рассматривая один – потолок, второй – свою девушку.

Ну-ну... Гусь же у нас птичка гордая, пока не пнешь, не полетит!

– Я так понимаю, на кухню мне заходить не стоит? – обреченно вздохнула, понимая, что моему милому сердцу помещению пришлось уже несладко. И неизвестно еще, что ему стоит пережить в ближайшем обозримом будущем!

Эх... закрыть их всех по доброте душевной на балконе, что ли?

Не, я все понимаю, их появлению на моих жилых квадратных метрах отчасти виновата я сама. Когда Лёлька позвонила с вопросом, куда меня дел Исаев, отмазаться толком не получилось. И поэтому я почти даже не удивилась, когда в ответ на просьбу скинуть мне скан лекций по электронке, подруга явилась сама, да еще и с Игорем!

Пришлось каяться, ибо безвинно пострадавшую конечность прятать было некуда. Благо хоть Богдан, которого прямо с занятий зачем-то срочно забрал его отец, о произошедшем не узнал. Пока не узнал. Уж в его-то талантах я не сомневалась!

Но теперь, глядя на то, как моя милая кухонька постепенно превращается в руины, я жалела о внезапном благородном порыве. Вот какой черт меня дернул за язык? Я, конечно, подозревала, что золотая молодежь домашними хлопотами не балована и к одинокой жизни вряд ли приспособлена, но что б настолько?

Через час пузырек с перекисью водорода активно подхо-

дил к концу, почти весь запас лейкопластырей поселился на длинных пальцах Липницкого, смущенно краснеющая Лёля выковыривала из тарелки с сыром собственный натертый туда маникюр, а Исаев, перепачканный по самые уши, азартно шлепал пятой порцией теста по металлической форме. Первые три канули в Лету, четвертый собирался совершить акт торжественного самосожжения в духовке.

А я... я методично билась головой о барную стойку рядом с Ни-Ни, активно уплетающей второе манго подряд.

Момонгу на нервной почве на жор пробило, не иначе.

В конце концов, когда за окном уже начинало смеркаться, первая корявенькая пицца, благословясь и помолясь, была отправлена в духовку. Вторая, уже не выглядящая как шедевр криворуких мастеров и даже без начинки в виде кое чьих ногтей (подозреваю, что к этому времени Аленка не наловчилась обращаться с теркой, а расходного материала уже попросту не оставалось), покаянно ждала своего часа. Побитая в процессе приготовления посуда отправилась в мусорку, грязная – в посудомойку, но шкафчики в засохшем теста отчистке не поддавались. Пока, во всяком случае.

Чует моя мнительность, заставь я эту команду оттирать последствия их бурной деятельности на ниве кулинарного искусства, эти гарные хлопцы все бы отчистили... в том числе и лаковый слой. Вместе со скрывающимся под ним вишневым деревом!

Адская кухня отдыхает... вот Гордона Рамзи на них не

хватает, честное пионерское!

И естественно, кто бы сомневался, что все неприятности оказались только милым и приятным началом того, что последовало дальше.

Каюсь, моя слегка притомившаяся светлость в один момент подзабыла, что Игорек у нас мальчик хоть мнительный и осторожный, но порой абсолютно безголовый. Но даже памятуя о его легкой неприспособленности к суровой житейской обстановке, я никак не ожидала, что этот светловолосый длинноухий кадр на обычную просьбу проверить, как там в духовке поживает их общее творение, радостно подскочит и, распахнув дверцу, сунет туда голову!

Естественно, вырвавшийся горячий воздух чью-то любопытную моську малость отогрел. Липницкий взвыл, Аленка взвизгнула, опоссум подавился фруктом, я чуть не навернулась с табуретки, а Исаев, геройски метнувшись на выручку другу, обнаженным пузом зацепил острие лично оставленного на краешке стола ножа.

Павильон со съемками кулинарного шоу плавно переместился на место создания «Интернов».

Лёлик, стаяя и попискивая, сидя на стуле, прикладывала к жалобной моське пострадавшего Эльфенка пакет со льдом. Игорь корчился, но стойчески сносил все ласковые в его адрес оскорбления. Материться Аленка не умела, факт. А вот я на выражения не скупилась, притянув к себе нехристь с его щенячьими глазками, зажав его бедра между своих ног

и щедро поливая пострадавший пресс остатками старых духов. За не именем перекиси, вылитой на макушку Игорька, когда тот, отпрыгнув от духовки, саданулся об угол шкафчика с посудой и чуть не проломил. Причем и голову, и шкаф!

Исаев держался, пытаясь не выть, выходило мужественно, но хреновато.

Глядя на их героические мучения, Ни-Ни, единственная уцелевшая среди нашей оси травматизма, судорожно давилась последним бананом.

Апофеозом «дома пыток и садизма» стал спокойный, милый голосок, вопросивший со всей степенью такта и заботы со стороны входной двери:

– Анечка, добрый вечер, прости, что отвлекаю. А Мишенька, надеюсь, в курсе твоих необычных предпочтений?

И тут-то мы коллективно поняли, что на самом деле значит фраза «писец подкрался незаметно»...

Я посмотрела на нахмурившегося передо мной Исаева. На дернувшийся затылок Лёльки по ту сторону «стола». На бровки Игоря, собранные в кучку. Представила, как со стороны смотрятся наши с подругой тела на табуретках и обнаженные фигуры перед нами (свежевыстиранные майка и водолазка которых покорно сушились на батарее в ванной)... мысленно себя похоронила и, торопливо погребая под ладошкой возмущенную Ни-Ни, натянула «радостную» улыбу:

– И вам добрый вечер, Надежда Станиславовна...

Двадцать минут спустя организовалась картина маслом.

Я с виноватым видом попиваю чай, скромно каясь перед невозмутимой старушкой в дорогом розовом брючном костюме. Та сидит, губы темно-малиновым цветом напомажены и скупно улыбаются, на морщинистых лапках французский маникюр поблескивает, дорогой фарфор аккуратно поглаживая, на каштановых кудряшках шляпка в тон страусиным пером возмущенно помахивает...

Лёля, старательно намывающая посуду в углу, тихо приканчивает последнее целое блюдо.

Стараясь не удивляться тому факту, что посуда вся вроде должна была находиться в специальной помывочной машинке, я мило улыбнулась будущей возможной родственнице:

– Вы не волнуйтесь, надежда Станиславовна, это просто недоразумение. С этими молодыми людьми, как я знаю, вы уже знакомы, а с Алёной мы учимся вместе. Как видите, я немного травмировалась на работе, а они приехали меня навестить. Вот и решили заботливо меня накормить, пока Мишутка на учебе занят. К сожалению, повара из них не ахти... Травмируются на каждом шагу. Но я их учу по мере своих скромных сил и возможностей. Вы уж простите, что так неловко получилось.

– Да я все понимаю, Анечка, – мягко улыбнулась властная бабуля, к слову, даже откусившая из вежливости крохотный кусочек от пиццы, жирной внутри благодаря Игорю, вбухавшему туда пол пачки майонеза, и сгоревшую снизу благодаря его же внезапному желанию подкоптить собственную мор-

дыху. Но, к слову, на этом гастрономический энтузиазм старушки закончился, и она взялась за телефон. – Алло, Миша? Да, это я. Да, я у тебя. Нет, не дома, но ту милую девушку, убирающую жуткий беспорядок на твоей кухне я уже заметила. Я у Анечки и у нее кошмар не лучше. Да, жду, и надеюсь, Мишенька, что ты свою позицию мне так же объяснишь. Отчетливо!

«Мишенька» явился минут через пятнадцать, в спортивных синих штанах, черной обтягивающей футболке, с мокрыми залезанными волосами и с диким желанием убивать.

Что тут же прокомментировала его родственница спокойнo-убийственным тоном, аккуратно пристраивая чашечку с зеленым чаем на блюдечке:

– Мишель, являться к невесте в гости в спортивной форме полнейший моветон. Тем более босым.

Стоящие возле окна Исаев с Липницким взглянули на собственные джинсы, отсутствие носков и торопливо пальчики поджали.

– Бабуль, – старательно сдерживая эмоции, вкрадчивым милым голоском осведомился мой типа женишок у моей типа бабули. – А ты разве не должна быть во Франции?

– Ох, оставь, там такая скука, – воспитанно отмахнулась старушка, – Зиночка там осталась шляпки покупать, а на меня такая мигрень навалилась, что только дома и прошла. Вот я и решила вас проведать. И не зря, оказывается! Мишель... пускай это некрасиво при Анечке и ее друзьях, но я все же

требую немедленного ответа! Что за странная девица у тебя сейчас в гостях?

Липницикий хрюкнул, но тут же принялся внимательно рассматривать висящие на окошке гардины с легкой тюлью. Аленка тихо кокнула в раковине очередную чашку, Исаев едва сдержался от смешка, но одобрительно мне подмигнул, Ни-Ни в кармане окончательно затихла, а я поспешила выручать активно бледнеющего «Мишеля»:

– Надежда Станиславовна, это не то, что вы подумали. У Мишеньки снова свалился шкаф с посудой, видимо, кирпич попался в стене бракованный. Сами знаете, как вашего внука опасно к острым предметам подпускать – порежется сразу! А я сама помочь не могу, хожу с трудом. Ну, мы и наняли Аришу в помощь, с почасовой оплатой, разумеется. Не волнуйтесь, девочка она тихая, скромная, у меня в подчинении работает, и язык за зубами держать умеет. Как видите, ничего криминального тут нет...

Ага, нет. Кроме ленивого Лександрыча, которому влом перевесить несчастный шкаф, брякающийся у него со стенки уже двадцатый раз подряд! Вот говорили же, повесь в другое место, но нет! Он чопики в старые дырки вобьет, как попало шурупы присобачит, новой посудой затарится и сидит себе довольный. А через недели три-четыре снова «бум, ай» и громкий жесткий мат. Вот говорила сколько раз, ну лень тебе, ну позови Харлея, тот, конечно, поржет, но на совесть все организует.

Фигушки, ребятушки...

Вот ей-богу, я скоро сама к соседушке с перфоратором явлюсь, и пускай потом дрожа отсиживается в ванной!

– Ну, раз так, – судя по поджатым губкам, нам если и поверили, то слабо.

И я б сказала очень даже слабо... А если говорить начистоту, но нифига нам не поверили на самом деле-то!

Однако выдали последний шанс. Да такой, что, мягко говоря, окосели все и сразу! Включая мирно дремлющую в моем кармане летягу.

А полчаса спустя...

– И как выкручиваться будем? – тоскливо спросила моя унылая ни разу ни светлость, подпирая щеку кулаком, скрестив ноги по-турецки, сидя на любимом диване в зале.

– А неплохо получилось, – игнорируя мою печальку, одобрительно прокомментировал Исаев, жуя второй вариант приготовленной общими трудами пиццы.

Первый после пробы отправился в далекий полет прямо с балкона... и увы, его не стали кушать даже редкие бродячие собаки – колбасу с верхушки вяленько содрали и дальше мирно разбрелись. Пару шавок помельче через сотенку шагов стошнило, но кого это могло смутить?

– Я чувствую себя шеф-поваром, – довольно заметил Игорек, аппетитно уплетающий калорийную еду собственного производства, расположившись на другом конце огромного дивана. На широкой спинке сверху лежали узкие доски-по-

ставки, на которых стояла всякая мелочевка в виде часов, картинок, мелких фигурок и прочего, сейчас одиноко кукующего кучей на полу, а их место прочно заняли тарелки с на удивление вкусно пахнувшей выпечкой, а так же чудом уцелевшие стаканы. С пивом!

Когда эти жулики умудрились его приволочь, ума не приложу, но четыре баллона английского эля я сначала в упор не заметила! Но сам факт, приятный напиток со вкусом цитрусовых и имбирного печенья сейчас потягивала даже обнимающего Игорька Аленка.

Свисая с потолка, мерцал огромный экран, показывал последнюю часть «Ледникового периода», народ наслаждался «хлебом и зрелищами», и лишь только мы с Михой, сидящие по центру огромного снежно-белого ложа, обтянутого натуральной кожей, тоскливо вздыхали, глядя друг на дружку.

Нам, в отличие от остальных, совсем не улыбалось всей оравой переться в следующие выходные на ужин к его бабуле для более подробного знакомства. Причем шустрая старушка, не давая ни слова выставить в ответ, обязала нас присутствовать в особняке Алёхиных исключительно по парам!

И в главной роли мы с Михасем.

Эх... Опять придется мне прилюдно лобызать соседа в щечку.

– Анна Сергеевна, – неожиданно послышался тихий скромный вздох с самого краешка дивана. – Я все понимаю... Но я-то почему здесь?

– Смирись, Ариш, – мрачно посоветовала я, синхронно покосившись с соседкой на ни в чем неповинную официантку. – Отныне и навсегда ты попала под замес безжалостной машины этики и морали, гордо носящей имя Надежды Станиславовны! Не хочу тебя пугать, но нам тут ясно обрисовали перспективу всех дальнейших нравственных пыток, которым нас подвергнут, если ты не появишься на приеме, да еще и с кавалером. Замуж за Миху хочешь?

– За него? – испуганно округлила и без того огромные глаза Ариша. И, поймав ошеломленный взгляд своего шефа, торопливо поправилась. – Я не в том смысле! Просто...

– Да мы поняли, – отмахнулась я и, подумав, сцапала со спинки еду и протянула девушке тарелку с пищей и стакан с пивом. – Не рефлексуй. Просто расслабься, ладно? Мы тут в неформальной обстановке все свои. Я эту вечно спящую заразу, которого вы все так боитесь, могу и грязным кухонным полотенцем по квартире погонять. Вообще, мы милые, обычные... хотя весьма, весьма местами. Он, кстати, меня тоже отбуцкать пыльной тряпкой может...

– Да что мне, жить надоело? – невозмутимо откликнулся байкер и, сообразив, что терять уже нечего, сцапав тарелку с едой, растянулся поперек дивана, удобно устроив затылок на коленях обалдевшей Арины. Вздогнув, девушка едва не пролила эль, но в последний момент сумела взять себя в руки.

Однако по ее испуганному взгляду было понятно, что им-

мунитета к подобным событиям у нее нет, а потому мне пришлось банально импровизировать, дабы не спровоцировать у пугливой официантки самый настоящий инфаркт.

Проще говоря, сграбастав стакан, я весьма своевольно приземлилась своей тыквой на заклеенное остатками лейкопластыря пузо обалдевшей от такого расклада нехристи. Благо хоть Исаев мозгами-таки был не обделен и даже мило улыбнулся.

Арина, наверняка мысленно вздохнув, пригубила алкоголь... и в конце концов расслабилась. А вот мне теперь пришлось совсем несладко.

Во-первых, Исаев ни разу не Богдан, тот поудобней будет. А тут пресс жесткими кубами, лейкопластырь мешает, духами воняет... И сам факт, на ком, я собственно лежу, никакого релакса не давал!

Однако полчаса спустя, когда играть на публику откровенно надоело, я плюнула, хлебнула эля и поднялась. И тут-то у кого-то совесть и сыграла...

– Врач запретил тебе пить, – нагло отобрав стакан, невозмутимо заявил Исаев. Я аж чуть в плече не запуталась!

Спокойно укрыла его рельефное пострадавшее пузико свернутым флисом, отобрала обратно стакан... и медленно и показательно опустошила, глядя в сузившиеся глаза парня, слабо мерцающие в полумраке – Игорек додумался-таки вырубить свет.

– Перемирие перемирием, солнце мое, – тихо усмехнулась

я, отковыривая от спинки диванную подушку, которую в последствии подпихнула под спину благодарно улыбнувшейся Арише. Сидя смотреть мультик, транслирующийся почти над головой, ей было явно неудобно. – Но вот границы переходить не надо!

Исаев выгнул одну бровь... но руки в знак капитуляции поднял.

Довольно усмехнувшись, я вдруг подумала-подумала, плюнула и обратно на чье-то пузо улеглась. А что? Удобно, тепло и уже совсем цветочками не пахнет. Да и надо ж как-то на его заботливость ответить.

Еще б он не в такой собственнической и наглой форме ее проявлял, цены бы ему не было.

Только Демьян постоянно забывал, что никакого права так со мною обращаться он просто не имел. Он не Миха, и даже не Богдан.

Он пока на самых дальних позициях. Но уверенно шлепает вперед, что ни говори. Глядишь, так и догонит... кого-нибудь. Когда-нибудь...

– Анна Сергеевна, а что мне теперь делать? – полчаса спустя тихо спросила Арина, рассеяно поглаживая по волосам уснувшего напрочь Лександрыча, обнявшего ноги официантки и мило улыбающегося во сне.

А Сергеевна не ответила – она сама к тому времени уже тихо спала, обнимая своего недавнего врага поперек живота, как большого плюшевого мишку.

Проснулась я глубокой ночью и в полной темноте. Не сразу сообразила, что спокойно лежу уже в своей кровати, под одеялом, а на груди попискивает спящая Ни-Ни.

Зевнула и, обдумывая, кто ж меня сюда притащил, хотя вариантов-то было немного, встала, открыла клетку и устроила зверька на своем законном месте в гамаке. Дверцу запирать не стала, один черт все равно откроет, создание несносное.

Зевая, приглаживая стоящие дыбом волосы, источающие насыщенный аромат собственных духов, прихрамывая, вышла в зал... И обалдела.

Тишина, темнота, только мертвые с косами ходят.

В смысле, темнота, тишина и полный порядок. Щелкнула выключателем – действительно, никого дома нет, подушки на чистом диване аккуратно разложены, полочка вытерта, мелочевка расставлена. Доковыляла до кухни... И еще больше обалдела. Да у меня такого порядка сроду никогда не было!

Почесав в затылке, решила выписать Арине – премию, а Лександрычу – люлей. За излишний энтузиазм! Бедную девочку итак не пойми во что втянули, а он ее еще и на уборку подрядил.

Ну явно же не Липницкий с Исаевым тут тряпками маха-

ли!

На холодильнике обнаружилась записка:

«Рыж, не ворчи, я Арине помогал».

Фыркнув, стянула желтую бумажку. И вот все-то мой любимый соседущка знает!

Но спасибо и на этом.

Отчаянно зевая, убедилась, что лишних шмоток в ванной не осталось, добралась до коридора, проверила запертую снаружи дверь (у Мишки были запасные ключи и от квартиры, и от машины), собралась было идти дальше досыпать, но внезапно наткнулась взглядом на бумажный пакет с ручками, одиноко притулившийся на тумбе с обувью.

Постояла, подумала... но полезла проверять, кто же там чего забыл на радость маньяку-фетешисту в лице меня любимой.

Внутри пакета обнаружилась коробка и маленькая открытка. Хмыкнула, открыла глянцевую бумажку с медвежатами и узрела короткую надпись, выведенную знакомым крупным почерком. На английском языке. И гласила она всего лишь:

«Sorry».

А вот это уже становится интересно!

В квадратной коробке обнаружились новые белые кеды с ярко-синей шнуровкой, с коротким белым мехом и со знаменитым значком и лейблом. Уважительно присвистнула, ибо стоила обувь чуть меньше «тапочек» для моей маши-

ны, купленных заботливым Кириллом.

Однако, компенсация нанесенный ущерб по стоимости явно переплюнула!

Ну, а с размером Исаев как-то угадал.

– Значит, принц отыскал-таки свою Золушку, и вернул ей обе туфельки, – задумчиво протянула я вслух, укладывая кеды обратно в коробку. И усмехнулась. – А про носки-то забыл!

ГЛАВА 6

– Ам. Ам. Ам! – тоскливо и жалобно просили над ухом, разрушая своей монотонностью мой спокойный сладкий сон. – Ам!

Машинально вздохнув и поежившись от холода, ни фига не проснувшись я подняла одеяло и вяло позвала:

– Ну, иди сюда, горе луковое.

– Ань-ня-я-! – радостно пискнули рядом, по кровати пробежался, судя по ощущениям, огромный таракашка, и на мое плечо хлопнулась тяжелая такая голова. – Ня-я-я-я...

– Спи, няшка моя, – сонно вздохнула, утыкаясь носом в мягкие волосы, приятно пахнущие карамельками. Закутала озябшее детское тело в одеяло, притянула к себе и собиралась поспать еще часов так несколько... И тут до меня как до утки на двадцать пятые сутки, наконец, дошло.

Какое нафиг детское тело в моей кровати?!

– Стасик, ты опять? – распахнув глаза, со стоном поинтересовалась, глядя на умильную, перепачканную шоколадом рожицу трехлетнего пацаненка. Тот выглянул из-под одеяла, похлопал пушистыми ресничками, блеснул голубыми глазницами и улыбнулся, являя очаровательные ямочки на пухлых щечках.

Блин... один сплошной кавай во всем своем великолепии!

Ну и как на это чудо злиться?

– А-а-ам, – многозначительно протянул ребетенок, ткнувшись носиком в мою щеку. – А-а-ам!

– Да кто б сомневался, – фыркнула я и вздохнула, откидывая одеяло. – Ладно уж, пошли, покормлю!

Киндеренок радостно подпрыгнул и, запутавшись в простыне, чуть не рухнул на пол. Поймала эти пятнадцать килограмм чистого счастья и непосредственности, посадила обратно на кровать и пошла на балкон, напялив тапочки и «курительную» кофту, обитающую исключительно на батарее.

Закурив, утопала в дальний конец длиннющего балкона, опустила голову... и подавила тяжкий вздох. Ну, да, так оно и есть.

Дело в том, что в нашем доме на балконах установлены лестницы, ведущие с первого на второй этаж, со второго на третий, ну и так далее. До пятого. Естественно, проходы между этажами закрыты люками, да только запирать их не рекомендуется правилами пожарной безопасности. Да и выполнены они из тонкого легкого материала, чтобы их можно было легко сломать в случае пожара и быстро спуститься вниз.

Вот такая вот система. И знал бы кто, что через этот самый люк ко мне уже как полгода шастает «любовник» – милейший Стасик, сын соседки снизу. Смышленный трехлетний карапуз хоть и отставал чуток в развитии, как считали его предки, на самом деле был довольно сообразительным. Так

что он легко просек фишку с люками и оказывался в моей квартире чаще, чем падал со стенки Мишкин бедный шкаф.

Весной и летом у меня балкон был почти всегда открыт, а когда похолодало, Лена обещала что-нибудь придумать, чтобы поутру я не обнаруживала радостно скачущего по мне мальчишку. Видать, придумала, потому как детеныша я у себя уже как месяцок не наблюдала. Но именно сегодня ночью кто-то из моих курильщиков дверь на балкон прижал, но ручку повернуть забыл...

Не, Стасик бы не замерз, даже если б было заперто – в секло бы долбился с упорством, пока меня не разбудил. На крайний случай обратно бы спустился, лестница там не особо крутая.

И все-таки, оторвать бы Ленке голову за такое попустительство!

Все собираюсь это сделать, да никак не соберусь.

– А штаны где? – поинтересовалась, оглядывая радостно прыгающее на моей кровати соседское голопопое чадо.

– Попу! – виновато покаялся мальчонка, одергивая длинную зеленую футболку со Спанч Бобом на груди.

Вздыхнув, протянула руки. Мелкий подбежал, радостно запрыгнул и заливисто хохоча ждал, пока я, перевернув его вверх ногами, придирчиво оглядываю его нижнюю заднюю часть туловища. Там сюрпризов, слава богу, никаких не оказалось.

Напялив на пацаненка специально припасенные для по-

добных случаев шортики, доковыляла до двери, открыла ее – маленький ураган пронесся мимо так, что пятки засверкали!

Ха, а однако нога уже не так сильно и побаливает... У меня. Стасика априори никогда и ничего не беспокоит.

– Ну, что Стасян? – уже на кухне спросила я у забравшегося на высокий стул ребенка. – Что кушать будем?

– Питтю! – требовательно выдало это чудо, болтая ножками в воздухе.

– Вот не знала бы, кто твой настоящий предок, подумала бы, что Липниций учудил, – хмыкнула я, открывая холодильник. Окинула нутро взглядом, отыскала внушительный кусок пиццы в контейнере, заботливо оставленный мне на утро, и полезла в морозилку. – Не, дружок. Такой удар майонезом по печени твой юный организм мне ни разу не простит. Солянку будешь?

– Сю-ю-ю-юп! – радостно запрыгал мелкий, колошматя ладошками по столу. – Со сиськами!

– С сосисками, сосисками, – расхохоталась я. – М-да... Мужики, как говорят, со временем взрослеют, но тяга к женской груди у них до гробовой доски неисчерпаема. Подождешь немножко?

– Дя, – важно кивнул мой гость и пальцем указал на лежащий на полке телефон. – Шишарики!

– Ну, смешарики, так смешарики, – покорно согласилась я и, залив куриное филе холодной водой, поставила на включенную плиту и отдала ребенку требуемое.

Быстренько обжарила без масла те самые «сиськи» и ветчину, вытащила из холодильника два огурца... из кружки. Почесала в затылке, вспомнила, что над банкой вчера кое-кто безбожно надругался, расколотив ее об край стола, когда Аленка Витаса изобразить изволила, пожалала плечами и потушила сиротинушек в пупырышечку вместе с томатной пастой. Вытащила курочку, закинула все в слабый бульон...

– Ко-ко! – подсказали мне, отрываясь на секунду от созерцания мультиков в ю-тубе.

– Она самая, – подтвердила я, нарезаю птичку на мелкие куски, мысленно поражаясь, насколько поколение нынче продвинуто. Три года ребенку, а он в моем телефоне шарит больше, чем я сама! Разблокировать аппарат, залезть в инет, найти на видеохостинге нужный мультик – ну пять секунд делов, и это максимум!

Вот чему бы хорошему детки учились. Я в его годы сидела в песочнице и била лопаткой нахального мальчишку, пытающегося у меня ведерко отобрать! Хотя... чему б хорошему я тоже научилась. Все по-прежнему осталось, только лопаточку бутылка коньяка успешно заменила.

– Ну, что бандит, – нацедив тарелочку слабосоленого супчика, дабы он остыл, под села я к занятому, деловому по самые ушки киндеру. – Мама-то чем занята, пока ты тут завтракать изволишь?

– Мама бай! – доверительно сообщили мне. – Стасик бай неа!

– Это я заметила! – прыснула я, потрепав довольного мальчишку по волосам, и принялась дуть на суп, перемешивая его, чтоб быстрее остыл. Подумала было позвонить Ленке, потом отмахнулась от этой идеи. Ну проснется, ну не найдет ребенка, ну перепугается до жути... Может хоть это ее отучит спать, пока ее мелочь по соседям бегаёт!

А то взяла привычку: усадит ребенка с планшетом за столик, насыплет ему сухой завтрак, и пока дитячко чавкает, на диванчик приляжет и вырубится нафиг.

А Стасик, как только еда закончится, пойдет громить квартиру. Не, там, конечно, все в ажуре и безопасно по максимуму: заглушки в розетках, ножи под замком, бытовая химия под потолком и все в таком же духе. Но все равно, дети есть дети. А этот покер, как бы на его отсталость не наговаривали, жулик еще тот. Подставить табуретку и спереть из верхнего шкафчика конфеты, для него уже как год дело ну просто пустяковое!

Заспанная брюнетка в домашнем полосатом костюме появилась на моей кухне минут пятнадцать спустя, когда мы со Стасиком азартно приканчивали по второй порции нехитрого обеда. Точнее, для него уже обеда, а моей проснувшейся светлости завтрака пока еще.

– Опять, да? – тоскливо вздохнула молодая женщина, глядя на свое перемазанное чадо, счастливое, ну прямо до безобразия.

– Мам, пивет! – улыбаясь во все свои восемнадцать зубов,

жизнерадостно помахал ей ладошкой Стасик, которому было ну никак не стыдно за свое поведение, побег и прочее. Эх, молодые годы чудесные... и работать не надо, и совесть не грызет!

– У-у-у, мать, – присвистнула я, глядя на эту красотку неземную. – Кун-фу панда отдыхает. Кто спал с твоим лицом и помял его?

– Сама-то лучше? – скептически отозвалась Лена, усаживаясь на свободный стул. Потерла заплавленные глаза, взглянула на меня и удивилась. – Смотри-ка, действительно лучше. Неужели в кой-то веки выпалась?

– Мне этот отсып встанет в пару рефератов, – хмыкнула я, вытирая салфеткой чумазую моську сопротивляющегося киндера. – Учеба еще не завалила, но лавина уже на низком старте. А ты чего?

– Статья, – коротко ответила мрачная, не выспавшаяся соседка.

Я понимающе вздохнула. Ну, почти понимающе. У данной особы муж богатый, на спонсирование прихотей супруги и единственного сына никогда не скупящийся. Но!

Тараканы, тараканы, тараканчики. Куда ж без них-то? На дом, хозяйство и отпрыска зарплату мужа Лена тратит, и глазом не моргнув. А вот на мелочевку для себя любимой предпочитает зарабатывать трудом своим праведным. Нет, похвальное стремление, я сие мадагаскарское насекомое даже где-то одобряю.

Ну, хотя бы потому что Ленок, сидя в декрете, не только копеечку калымит, но и не дает своим мозгам разжижиться переводом всяких там статей, трудов и даже книг. Она, как переводчик со стажем, аж на шести языках балакает, муженька с самой Канады выписала и к русским просторам приучила...

Еще б трудилась на благо родины не по ночам, не в ущерб себе и своему ребенку!

– На каком? – поинтересовалась, невозмутимо отбирая у расшалившегося киндеренка ложку, которой он азартно шлепал по остаткам бульона в тарелке. Стасик насупился. Посмотрел на маму, на меня, схватился за пиалу и начал активно прихлебывать. Мы честно похихикали, а довольное произведенным впечатлением дитя принялось активно швыркать жижу дальше.

– Корейский, – вздохнула соседка, у которой были нелады именно с этим языком. Его она закончила учить аккуратно перед беременностью и все полученные знания, как и воды, во время родов благополучно утекли. Ленок всеми силами пыталась наверстать упущенное, но..

Пока не получалось.

– Значит так, – мигом сориентировалась коварная я. – Тащи сюда статью и вещи Стасика с игрушками. А я, как говорится, и с деткой посижу, и за тестом пригляжу. А ты иди, поспи, а то выглядишь, как кладбищенский упырь не первой свежести.

– Как ты после работы, – хмыкнула соседка, зевая, но поднимаясь с табуретки. – Оплата как всегда?

– Нифига, – ухмыльнулась ни разу не бескорыстная я. Не секрет, что со Стасом я сидела частенько, и что Лена исправно пихала мне за это денежку, как бы я не отказывалась. В итоге пришлось хотя бы сократить сумму до минимума, хотя, если честно, с этой мелкой душкой я всегда возилась чисто из эстетического удовольствия. – Теперь у нас материальный бартер. Я тебе статью, и пару часов отдыха от этого...

– Меня! – важно вклинилась в наш разговор греющая уши мелочь.

– Тебя, тебя, – чмокнула я ребенка в чумазый нос, который, по-моему, чистым не бывал по определению. И обратилась к внимательно слушающей девушке. – А ты, в свою очередь, пообещаешь, что наконец-то отдашь ребенка в садик!

– Ань, – вздохнула брюнетка, проводя рукой по растрепанной косе. – Я же говорила, он отстаёт в развитии и ему нужно домашнее обучение...

– Лен, ему нужно общение со сверстниками и адекватная мама, не пропадаящая часами за ноутбуком, – хмыкнула я, а Стасямба серьезно покивал. – Попробовать тебе кто мешает? Через месяца два-три будет результат – оставишь, нет – заберешь домой.

– Ладно, – подумав, всё-таки сдалась нерадивая мамулька и насмешливо поинтересовалась. – А ты-то откуда все это знаешь?

– Пф! – фыркнула я, забирая у мелкого тарелку и выдавая взамен половинку свежего манго. – У меня на работе почти у всех коллег дети есть. Они как разговоры долгими дождливыми вечерами заведут, так хоть диссертацию о воспитании киндеров пиши, материалов на три штуки хватит точно. Клиенты, опять же, на эту тему любят перед друг другом хвастануть, у кого дитя чему уже успело научиться. Врут, по большей части, конечно, безбожно, но сам факт.

– Понятно, – почесала нос Лена, чмокнула сына в макушку, и ушла.

– Мама, пока-пока! – гордо помахал ей вслед пацаненок.

– Ну, что Стасище, – обернулась я к мелкому вредителю, уляпанному по уши фруктом и строящему хитрющую моську. – Отмываться и спать?

– Бай, неа! – возмутилось самое маленькое поколение соседской четы Саркаевых.

– Ну, нет, так нет, – невозмутимо отозвалась я и, сгребав подмышку хохочущее чудо, кровожадно смеясь, утащила его в ванную.

А еще час спустя, когда накупавшийся мелкий сладко дрых в моей кровати с собственным плюшевым медведем в обнимку, я убрала последствия водных процедур, по масштабу разрушения и затопления напоминающие мини-цунами, и уселась на кухне со статьей и черновиком, в дверь неожиданно позвонили.

Недоумевая, кто это еще на мою голову свалился, я от-

крыла дверь и...

– Ну здравствуйте, мордастье, а чё харю удивленную давим? Малыш, сегодня снова пятница и сегодня я снова тут!

Вот ты ж гребаный грендландский носорог, а про этот милый кадр я уже совсем забыла...

– Неаполь, не поверишь, я тебя банально запамятовала! – фыркнула я, привычно ловя длинное зеленое пальто, прилетевшее мне в моську.

Неаполь, по паспорту Аполлинария Андреевна Сизова, радостно оскалилась остро сточенными зубками:

– Да кто ж тебя так по голове шарахнул, родная? Что б рожу мою и не вспомнить, надо залпом пару бочек заглотить!

Кстати, не врет. Этот набор суповых костей под два метра росту, на тонких длинных ножках, с коротким ежиком бирюзовых волос и выбритой паутинкой на виске – один раз увидишь, хрен когда вообще забудешь! Нос длинный, брови тонкие домиком, глаза зеленющие с вертикальным зрачком, одно ухо в колечках, во втором туннель, на шее ошейник с шипами, на тонких запястьях браслеты с бубенчиками. Прикид – атас: майка три шва пять разрезов, непомерно широкие джинсы, отчаянно цепляющиеся за костлявые бедра и тяжелые ботинки военного образца.

А уж как выражается эта бронбойная мадам... портовый грузчик отдыхает!

– Замоталась, – развела я руками, включая свет. – Месяцок вышел – не бей лежачего.

– Да чё, бывает, – хмыкнула Неаполь, наклоняясь, чтобы расстегнуть обувку. Но напоролась взглядом на мои перебинтованные пальцы и присвистнула. – Вот тут мне шас искренне не понял. Кисунь, ты чё, решила педикюр сделать, меня не дожидаясь? И если да, то на хрен-то бензопилой?

– Круче бери, – ухмыльнулась я, в душе ликуя, что наконец-то сумела поставить в ступор данный колоритный персонаж. – Отбойником на мойке!

– Сильна, – уважительно кивнула неформалка и, подхватив объемную сумку-чемодан, кивнула. – Ну, пошмякали на кухню, царапки твои в божий вид мастрачить будем. Заодно и языками цепанемся!

Я нервно хрюкнула, но в указанную сторону поковыляла, ни капли не испугавшись страшной фразы. Это по первости, услышав такое, меня надо было с люстры принудительно снимать. Уже потом дрожащей мне торопливо рассказали, что так престранная девха предлагает всего лишь поговорить, обсудить последние новости – проще говоря, банально языками почесать. Но тогда-то пошлый мозг совсем не в ту сторону ушел!

Кстати, болтовней мы с ней и занимались стабильно каждый месяц определенного числа, да и слава богу – на большее меня бы просто не хватило!

И да, совсем забыла уточнить. Сия нетривиальная особа всего лишь скромный мастер маникюра...

Да, странная. Да, местами жуткая и очень непонятная. Но,

во-первых, выезжает на дом, во-вторых, недорого берет, а в-третьих, она действительно свое дело знает. А что до внешности... да наплевать, ей-богу!

Забросив в духовку мясо с овощами, а в мультиварку кашу, мы бурно взялись за дело.

Для разминки и нужного настроения мне подщипали вечно торчащие в разные стороны бровки. Потом их же покрасили на пару с ресничками... и принялись за маникюр.

Если честно, у меня никогда не хватало времени, чтобы толком за собой ухаживать. В подростковом возрасте я как-то на сей счет особо не заморачивалась, а потом все-таки пришлось. И хотя я всю жизнь носила почетное звание раздолбая всея Руси, должность обязывала быть аккуратным, милым раздолбаем. С людьми работаю как бэ...

Вот и озаботилась я вопросом данным, вопросом нудным, трудоемким. А так как со временем всегда беда, надо было организовать все так, чтоб разом все процедуры сделала, да на месяц позабыла.

Для начала, поведясь на рекламу, покрасила я брови... хной. Уж как мне распибался мастер, что будет такая красота! Готовая красота, блин, неземная, выводила меня на истерику в течение следующих трех дней. Уж как ржали надо мной коллеги-суслики, так и вовсе вспомнить страшно. На все заверения, что чернота уйдет через денек-другой, отражение в зеркале твердило об обратном. Четвертый день я ходила как Гоги с местного рынка, народ уже всерьез шугал-

ся...

И вот тогда я встретила Неаполь. Ну, как встретила? Я сидела возле мойки, грустила и думала, кого бы пойти, найти, убить. И тут раздался чей-то офигевший хриплый голос:

– Лапуть, тебя кто так разукрасил?

Я тогда вполне хотела разреветься, но увидев девушку во всей ее незабвенной красоте, как-то сразу растерялась. А с перепугу еще и всю историю выложила. В красках. «Девушка» почесала бритый затылок, хмыкнула, выплюнула тонкую сигарку в мундштуке и скомандовала «ща!». Вернулась через пять минут уже с любимым чемоданом.

Короче, через полчаса я удивленно тыкала пальцем в аккуратные бровки и темные реснички на своей преобразившейся мордашке и восторженно пускала слюни на довольную мадам. На радостях отмыла ее старенький поддержанный мустанг так, что давилась от экстаза уже пучившая глазки неформалка. Это было в те бурные времена я еще мойщиком работала, с маячившим впереди хорошим повышением...

С тех пор мы друг у друга постоянные клиентки.

Вот и сейчас мне подпиливали отросшие ногти, заново покрывали их гелем, делали классический французский маникюр... Заодно красочно описывая, как прошла последняя ролевка. Под концовку процедуры и рассказа я уже лежала под столом, на нем под лампой оставались только мои сводящие судорогой ручки.

– Не, ты прикинь, чё! – возмущенно вещала Неаполь, покрывая мои ногти закрепителем. – Эти хорьки прилизанные, решили, значит, свои причиндалы в наши палатки сунуть, мага у соперников по ночи спереть. Херня, что у орков маги – бабы, а значит, нифига ни разу не гламурные! Млятушки, экзотики остроухим захотелось, не иначе! Не, ну я врублюсь, что под плащом все время тусила и фейс они мой не видали. Но ради какой тригонометрии и графика «хэ» было мотать меня в одеяло, пердолить через лес, что б у ручеечка после размотать? Ну не извращенцы, не?

– Ну-у-у, – чувствуя, как сводит скулы от смеха, икая, с трудом протянула я, послушно вытаскивая ладонь из лампы. – Вдруг хотели убедиться, что ту магичку сперли?

– Да убедились, касатики! – клыкасто-зубасто улыбнулась Полинка. Я снова поползла под стол, а та насмешливо продолжила, заканчивая работу. – Стоят, значит, луки свои спрятали, лохмы распушили, груди от кольчуги оголили... Выматываюсь, значит, меня из этой тряпочки... И я тут говорю: «Привет вам, извращуги! Здесь прелюбодействовать будем, аль на опушку отойдем?».

– Бежали долго? – нервно хрюкнула я, представляя всю картину в красках и подробностях.

– Да ты ржешь, кисянь? – недоуменно вскинула Неаполь свою тонкую бровь. – Да там хоббиты пол ночи под елкой гоготали, уговаривая брякнувшуюся в ручей эльфятину покинуть хоть под утро свой насест!

Вот на этом моменте моя фантазия не выдержала, и я окончательно ушла под стол.

Это ж какие должны быть впечатлительные ролевики, чтобы увидев «заложницу», сначала навернуться в ручей, потом залезть на ёлку и отказываться слезть, даже не взирая на глумливых коротышек? Хотя... увидь я ночью в лесу вместо милой магички такую особу, я б не только на дерево залезла, я б там весь лес переломала!

– Ну все, звездюля, ты вся в ажуре, – проворно собирая инструменты, довольно выдала Неаполь, когда я, отсмеявшись, разглядывала получившиеся аккуратные ноготки. – С пердюкой ждем, лечи пока конечность.

– Само собой, – фыркнула я, протягивая руку за кошельком. Отсчитала нужную сумму, положила ее в раскрытый чехол с пилками и с наслаждением потянулась. Все-таки день прошел не зря, что ни говори...

– А-ань-н-ня, – раздалось вдруг сзади сонное и тихое. – Ня-я-янь?

– О, мелкий! – выгнула брови домиком Неаполь, застегивающая свой любимый чемодан и громко выдала, не скрывая восторга. – И ты здесь, Стасямба?

– Бабайка-а-а-а! – радостно завопил киндеренок, компактным вихрем врываясь на кухню.

Не удержавшись, я прыснула. Устами младенца, как говорится, глаголит истина!

И пока счастливо повизгивающему покемону громко слю-

нявили голое пузо, посмеиваясь, проверила, как там пожи-
вает наш нехитрый ужин.

Как-то само собой получалось, что почти в каждый при-
езд Неаполь соседский киндер тусовался у меня. К слову,
даже увидев ее впервые, пацан не испугался. Задумчиво по-
смотрел, потрогал острые зубы, подергал колечки в ухе, ак-
куратно провел ладошкой по коротким волосам... и взвизг-
нув от восторга, впервые окрестил нефорку бабайкой. А та,
не смотря на весь свой жуткий вид, маленьких детей любила
прямо до опупения.

Говорят же, что дети видят больше, чем взрослые. Они
не обременены лишними знаниями, моральной стороной во-
проса, им нет нужды слушать чужое мнение и они свобод-
ны от предрассудков. Они каким-то парадоксальным обра-
зом чувствуют, что идущий рядом мрачный человек на са-
мом деле очень добрый, а тот, что улыбается и игрушку тя-
нет – на самом деле гадость та еще.

Детишек фальшью не проймешь.

Через полчаса в квартире царил визг, писк и полнейший
бедлам, а я, помыв посуду, принялась-таки за перевод обе-
щанной статьи. Периодически меня отвлекал грохот, рыча-
ние, гоготание, завывания, хлопанье дверьми, но за obsta-
новку я была спокойна. Эти двое хоть и любят побуянить, но
до открытого вредительства пока еще не доходило.

Мне оставалась еще половина довольно сложного текста,
когда издали послышалось «ну Стаська, дай бабайка пере-

курит», хлопнула балконная дверь, а следом за ней раздалась мелодия звонка.

– Открыто! – машинально крикнула, грызя карандаш и пытаюсь отыскать в голове подходящее слово. Процесс остановился, грифель горчил, а тут еще и невозмутимый голос так легко поинтересовался:

– Не занята?

Я аж подпрыгнула.

– А-а-а-а, – выдала, чувствуя, как медленно и невесть от чего пытаюсь покраснеть. – Привет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.